

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2035

ВЛАДИСЛАВ ВЫСТАВНОЙ

КРЫША МИРА

FUTURE CORP.

Метро

Владислав Выставной

Метро 2035: Крыша мира

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Выставной В. В.

Метро 2035: Крыша мира / В. В. Выставной — «Издательство АСТ», 2019 — (Метро)

ISBN 978-5-17-113191-3

Лед и камень сжали в кулак последний анклав человечества в глубине вольфрамовых шахт у подножия Запретной Горы. Они забыли, что там, наверху, была жизнь. Они не верят, что там, наверху, что-то есть. Но черная смерть уже сочится в темные туннели. И кому-то придется высунуть голову из теплой норы в ледяной ад. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113191-3

© Выставной В. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владислав Выставной

Метро 2035. Крыша мира

© Глуховский Д. А., 2019

© Выставной В. В., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава первая

Змей

Затылок обожгло холодом, вдоль позвоночника побежала ледяная струйка. Змей поморщился, провел ладонью по шее, глянул: по линиям ладони расплзались черные разводы. Из трещины в своде туннеля обильно капало, образуя под ногами растекающиеся кляксы.

Черная вода. Теперь, значит, и на средних уровнях. И никто не знает, что делать. Карфаген уже полнится слухами, еще немного – и начнется паника. А значит, толпы, давка, случайные жертвы, перебои с продуктами, стрельба – и теперь уже не случайные жертвы.

Впрочем, это не его проблема.

Темная лужа, как зеркало, отражала подтянутую фигуру в потертой кожанке, брезентовых брюках и берцах, замершую в бледном свете одинокого плафона. Лица, исчерченного тату в виде молний, видно не было, но отражение нравилось Змею: встреча с этим человеком не сулит ничего хорошего тому, кто оказался у него на пути. Не хватало только ствола в руке.

Сейчас это лишнее. В отличие от откровенных отморожков, с которыми зачастую приходится иметь дело, у посредника оружия быть не может. Во всяком случае, того, что выглядит как оружие. Он должен спокойно проходить через все посты и рамки детекторов, не вызывая подозрения блюстителей.

Впрочем, теперь слиться с толпой унылых серых крыс не так просто. Дело даже не в татуировке на лице, дерзко указывающей на принадлежность к неприкасаемым. Посредников блюстители предпочитают не трогать – считается, они выполняют свою полезную роль, вроде «санитаров леса» в хрупкой подземной экосистеме. Без таких авторитетов банды беспредельщиков давно утопили бы Карфаген в крови. Тут главное не перейти черту, в открытую противопоставив себя властям.

Он черту преступил. Не важно, кто виноват, и никому не интересно, что его просто подставили. Директория уверена в исходящей от него угрозе и даже объявила награду за его голову. Возвращаться в Центральный сектор было безумием, но выбора не осталось. Авторитет посредника держится на абсолютном презрении к властям и полном отсутствии страха. Дрогнувший или заюливший посредник обречен на утрату доверия, струсивший – на расправу. Его сила – в презрении к смерти, и марку надо держать.

А еще банально нужны бабки. Посредничество в разборках – единственное, что он умеет, зато умеет отлично. Он бы спокойно продолжал отсиживаться в отдаленном Западном секторе, если бы посредник Центрального не пропал с концами. Что там случилось – заблудился ли в лабиринтах старых штолен, придавило обвалом или непосильной дозой кисляка – лишь горным духам известно. Скорее всего, грохнули какие-нибудь упыри из беженцев, не знакомых с понятиями коренных неприкасаемых. Может, даже сожрали вместе с дерьмом, как это принято в их диких местах.

Все это предстояло выяснить. Дело даже не в том, что в Западном секторе напряглись по поводу такого беспредела и отрядили своего представителя разнюхать, что к чему. А в том, что там, в его угрюмой конуре, под присмотром надежных людей осталась сестренка. Маленькая Ксю, ради которой он до сих пор не бросил свое гнусное дело, добывая кровавые фразы.

Иногда он ловил себя на мысли, что лишь прикрывается сестрой, оправдывая привычный образ жизни. На самом деле ему просто нравится ходить по краю, и без этого он просто не может, как наркоман без очередной дозы. Может, в этом тоже часть правды, что не исключает теплых чувств к единственному родному человеку, за которого он готов порвать любого.

Перемахнув через груды камней от давнего обвала, оказался перед рельсами узкоколейки, по которой когда-то бегали шахтерские вагонетки. У ребят с Запада была мысль пустить здесь

тайную транспортную линию, но пока приходилось топать ножками. Зброшенный туннель помогал шастать из Западного сектора в Центральный, не попадаясь на глаза блюстителям. Этот путь раскопали диггеры Заводской группировки, малость подлатали, укрепили, расчистили и теперь использовали для контрабанды и прочих противозаконных надобностей. Благодаря этому забытому пути Змею и удалось тогда оторваться от «хвоста» и на время исчезнуть. Он бы предпочел более комфортный Восточный или куда более чистый Дальний сектор, но не знал туда безопасной дороги. Отправляться же в вонючие лабиринты Южного или, чего доброго, Грязного сектора даже в голову не приходило – если даже ко всему привычные грязееды поползли оттуда, как тараканы из всех щелей, значит, нормальному человеку ловить там нечего. Говорят, жить в Южном стало совсем невозможно из-за прибывающей черной воды, тесноты и голода, вот они и ударились в бег. И теперь в Центральном – кризис перенаселения, толпы голодных беженцев и, ясное дело, передел сфер влияния.

Выход из тайного туннеля прятался в глубине технического бокса, в котором гудели при- воды системы вентиляции. Придумано неплохо: темно, шумно. Кто откуда вышел, кто куда исчез – не понять при всем желании. Тихо преодолев темное пространство бокса, Змей поглядел в щели железной двери, ведущей наружу, в открытое пространство сектора.

Вроде никого.

Толкнув дверь на хорошо смазанных петлях, вышел в тесный грязноватый переулок, стараясь не вступить в какое-то разбросанное по поверхности дерьмо. В ноздри ударило густой смесью запахов помойки, мочи и дохлятины. Он плохо помнил, как выглядят улицы настоящего города, но обитатели подземелий неосознанно старались придать местам своего обитания видимость того, что навсегда осталось на поверхности. Если не поднимать глаз, можно было решить, что он сейчас в самой обыкновенной вечерней подворотне какого-то затрапезного городка. Стоило поднять голову – взгляд упирался в серый бетон метрах в пятнадцати над головой, о который опирались фальшивые крыши над неровными стенами, имитирующими многоэтажку.

Накинул на голову капюшон надетой под куртку мастерки и неторопливо вышел из переулочка. Воздух наполнился гулом – говорят, так гудел рой пчел над ульями, пока все они не передохли вместе с остальной живностью верхнего мира. Он шел кривой улочкой под гирляндами веревок, на которых сушилось плохо отстиранное тряпье. Гул нарастал, постепенно дробясь на голоса, ритмы музыки, шум станков и другие, совершенно неопределяемые звуки. Еще немного – и он вышел из лабиринта улочек на открытое пространство – на сколько может оно быть открытым под давящим бетонным сводом.

Двенадцатый уровень Центрального сектора – самое сердце Карфагена. Здесь можно встретить кого угодно: от мрачных работяг с самого дна этого гигантского муравейника до искателей приключений на собственные задницы с элитных уровней. Но больше всего здесь обычных обывателей «среднего класса» – пестрой мешанины мастеров, торговцев, умников, за гроши продающих уникальные навыки, – вроде бывших инженеров, учителей и врачей. А также всякого рода шарлатанов, пытающихся выжить за счет удачного расположения мест своего обитания. Какому-нибудь забитому бедолаге из Дальнего сектора, что круглые сутки горбатится на гидропонной ферме, может показаться, что здесь не жизнь, а сахар для зажиточных бездельников. Но это лишь пыль в глаза в попытке подороже продать себя в условиях бешеной конкуренции. Выжить здесь труднее, чем вкалывая на пещерных плантациях – там хотя бы жратва под рукой. Здесь же бывший академик может часами доказывать, что его кровь для переливания ценнее, чем аналогичная жидкость из жил дегенерата, да еще и останется в дураках. За дозу хорошего «кисляка» здесь могут с легкостью расплатиться собственной жизнью, сама же жизнь может стать мусором, за утилизацию которого потребуют немалые деньги. Порой кажется, что весь уровень набит сумасшедшими, и, возможно, безумие – единственный путь выживания в этом предбаннике преисподней.

Здесь прятались от безысходности и страха. От тоски и ужаса, заполнявших обитаемые уровни. Каждый из этих людей знал: он навсегда закупорен, как джинн, в каменную бутылку. Только в отличие от джинна, тысячу лет ждущего избавления, никому из обитателей Карфагена не дождался, что кто-то сверху выдернет пробку, выпустив всех наружу. Просто потому, что там, наверху, ничего нет. А здесь – пусть душный, затхлый и липкий суррогат жизни, но это все-таки жизнь. И даже здесь человек найдет привычное занятие – жить, пусть ненамного, но лучше ближнего. Даже если для этого придется сделать жизнь другого невыносимой.

Змей умел сделать ближнему больно. Наверное, потому он жил сносно в этих каменных джунглях. По крайней мере до недавних пор.

Стоя на широком выступе с грубым металлическим ограждением, Змей оглядывал огромную площадь внизу и пытался зацепиться взглядом за что-нибудь знакомое. Пока не очень-то получалось. Он не был здесь более года, и главная торговая площадь успела многократно изменить конфигурацию. Здесь все постоянно течет и меняется, и потеряться тут так же легко, как и наткнуться на того, с кем совершенно не хотелось бы встречаться. Не зря это место прозвали просто и веско – Месиво.

По сути, Месиво – это город в городе, вечный, непрекращающийся базар и центр развлечений, который никогда не спит. Путаные торговые ряды со всякой всячиной хаотично чередовались с крошечными закусочными, барами и прозрачными кабинками, за которыми в манящей подсветке изгибались тела любых форм, цвета кожи, пола и прочих особенностей, которые у одних вызывали похотливое слюноотделение, у других же – рвотные позывы. В клетках рычали, пищали, стонали звери – пойманные в шахтных лабиринтах мутанты непонятных видов, тут же возникали суровые санитарные инспекторы, предъявляли звероловам претензии в распространении заразы, озираясь, получали свою долю в звонкой монете и тихо растворялись в толпе. Дико хохотали какие-то психи, кривлялись мимы, удивляли прохожих карлики и уродцы, стремившиеся хоть как-то монетизировать собственную беду. Как ни странно, у них это получалось лучше других: люди рады платить за осознание факта, что кому-то хуже, чем им самим. По рядам прогуливались невзрачного вида парни с характерными татуировками на лицах: неприкасаемые собирали дань. Время от времени на пути у них возникали вооруженные громилы в пятнистой униформе. Блюстителю. Формально они призваны наблюдать за порядком, но даже идиоту понятно: они тоже собирают дань – только с самих неприкасаемых, чтобы не сильно замечать сложившиеся неформальные отношения. Со всех сторон неслась музыка, причудливо смешиваясь с гомоном толпы, пьяными криками и хохотом.

Так что почти ничего не изменилось. Требовалось лишь уточнить кое-какую информацию. Для этого стоило найти знакомых.

Надвинув капюшон еще ниже, Змей спустился по ступенькам узкой лестницы вдоль стены и сразу же погрузился в толпу. Неторопливо направился в сторону обжорного ряда – там у него был связной. Протискиваясь через хаотичные человеческие потоки, отметил: людей здесь стало куда больше. При этом народец по большей части грязноватый, бедный, явно из промышленных секторов. Обычно таких неохотно пускали в главный сектор, блюстителю тщательно просеивали желающих попасть сюда – в административный центр, на торг, просто к родственникам. Но теперь создавалось ощущение, что Директория открыла шлюзы. Странно. И на лицах блюстителей чувствовалось напряжение. Главное, не попасть им под горячую руку. А для этого надо побыстрее решить вопрос и убраться отсюда подальше.

– Это же ты! Ты! Я узнал тебя!

Суетливые пальцы ухватили его за запястье. Инстинктивно Змей дернулся, но пальцы держали цепко. Развернувшись, он резко отвел кулак с набитыми костяшками, но остановил удар.

Сидя на грязном бетоне перед картонкой с мелочью, под ногами снующих взад-вперед людей, на него таранился выпученными глазами какой-то свихнувшийся оборванец. Зарос-

ший длинными грязными волосами, свалившейся бородой, в рваном тряпье, он походил на юродивого – да, похоже, таковым и являлся. Но не это изумило Змея, а то, что он тоже узнал этого человека.

– Крэк? – с усилием избавляясь от грязных пальцев, проговорил Змей. – Что это с тобой?

Это действительно был Крэк – головная боль завсегдатаев Месива, известный рэкети́р. Перед ним тряслись все торговцы внешних рядов. Только теперь от него почти ничего не осталось, кроме вытатуированной на лбу пасти тигра. Крэк трясся и бормотал, пронзительно глядя ему в глаза:

– Конец близко! Все сдохнут! Все! А ты... – Он вдруг запнулся, выпучился, словно только что увидел Змея. Ткнул дрожащим пальцем ему в лицо. – Ты не тот! Ты другой! Я не знаю тебя!

– Да пошел ты... – Змей презрительно сплюнул. – Говорил тебе: не пей всякое дерьмо, свихнешься.

– Смерть пришла в туннели! – вопил безумец. – Разве вы не видите? Мы все в могиле, мы мертвые! Мы делаем вид, что живые! Но мы трупы!

Посредник молча бросил в картонку несколько фрамов. Развернулся и пошел дальше, когда спиной ощутил брошенные вслед монеты и услышал:

– Мертвым не нужны деньги! Карфаген должен быть разрушен! Это сделаешь ты! Ты!

Вжав голову в плечи, Змей нырнул в толпу.

Этот псих сбил его с толку. Все знают, что в туннелях творится неладное, что происходят обвалы, что народ дохнет неизвестно от чего, что просто пропадают люди. Но куда хуже, когда всякие придурки начинают истерить и сеять панику.

Дурная примета – так начинать дело. Но начинать все равно надо.

Знакомый ряд он нашел не без труда. Здесь была крохотная закусовая на колесах, которую держал китаец по имени Вэй. Закусочную он нашел по характерному флажку, торчащему над мобильной металлической кухней. Краем глаза отметил даже знакомую вмятину в борту и след краски на велосипедном колесе. Только за прилавком был не Вэй. Ему улыбался во все тридцать восемь сверкающих зубов какой-то незнакомый смуглый тип, с ходу предложивший широким жестом:

– Шаверма-кебаб!

Змей поморщился от ужасающего акцента, тихо спросил:

– Где Вэй?

– Не понимай! – любезно улыбнулся торговец. – Шаверма-кебаб!

Змей медленно кивнул и стал наблюдать, как торговец ловко управляет с тонкой лепешкой и здоровенным ножом, строгая горячее мясо с вертикального штыря. Из чего сделана лепешка и чье жарится мясо, в Месиве не принято спрашивать. Как минимум для того, чтобы не блевануть и в дальнейшем спокойно спать. Предполагается, что закупки легальные и делаются у фермеров из Дальнего сектора, выращивающих гидропонную биомассу для изготовления эрзац-муки, кур, кроликов и прочих ящеров на мясо. Но была информация, что количество производимого и поедаемого никак не бьется. Отсюда две разновидности слухов. Самый безобидный – Директория запустила-таки реакторы по изготовлению синтетического белка. Второй слух куда менее аппетитный: неприкасаемые поставляют мясо мутантов из Грязного сектора, а блюстители закрывают на это глаза – за приличный откат, разумеется. Последнее предположение выглядело куда разумнее.

– Шаверма! – Торговец с улыбкой одной рукой протянул свернутую лепешку с начинкой, другой – растопыренную пятерню. – Пят фрам!

Змей взял шаверму, небрежно бросив в ответ монету в десять фрамов:

– Сдачи не надо.

Торговец непонимающе вытаращился на него, но, осознав удачу, склонился в поклоне. Сила вольфрама в этом новом мире крепче золота в мире прошлом. Хотя бы потому, что

подделать вольфрамовые деньги в кустарных условиях невозможно – температура плавления этого металла выше трех тысяч градусов. Такие возможности есть только у Директории, как и контроль над добычей нового драгметалла. Змей знал о попытках Заводских делать поддельные фразы из обесценившегося золота, имевшего схожий вес, но этот мягкий и дешевый металл быстро выдавал себя. Акции устрашения с заливанием в глотки фальшивомонетчикам расплавленного золота быстро пресекли этот бизнес. Сам Змей не знал нужды в монетах – нужно было лишь стабильно выполнять порученную работу.

Он неторопливо жевал, ничуть не заботясь о вкусе и составе начинки. Лютые годы на Скотских уровнях научили его не задумываться о происхождении поедаемой биомассы. Даже если подсунили плохо прожаренную радиоактивную крысу, его это не особенно волновало. Главное, не забыть проглотить капсулу иммуностабilizатора.

Куда больше интересовал этот улыбающийся тип.

– Я тебя раньше не видел, – продолжая жевать, сказал Змей. – Вэй продал тебе свое место?

Торговец непонимающе улыбался и кивал.

– Твоя шаверма – крысиное дерьмо, – продолжая жевать, сообщил Змей. – Вэй умел готовить, а тебе лучше вернуться в свои каменоломни. Или откуда ты там приполз в центр?

– Еще шаверма? – скалился торговец.

Змей разжал руку, недоеденная шаверма упала в лужу под ногами. Брызнули черные капли. Вот так – и тут черная вода. Откуда она на центральных уровнях? Что вообще происходит в этом вонючем подземелье?

Змей развернулся и пошел прочь. Однако далеко удаляться не стал, а, сделав круг, зашел с другой стороны. Привалился плечом к мутному стеклу стеклянного стрип-куба, за которым под музыку извивалась темнокожая красотка. Осторожно выглянул. Торговец, за которым он теперь наблюдал со спины, машинально строгал мясо с вертикальной нарезки, при этом озираясь по сторонам, будто ждал кого-то.

По стеклу постучали. Змей чуть повернул голову. Девушка с негритянской копной волос, в чисто символическом, чуть ли не нарисованном бикини улыбалась ему, прижимаясь к стеклу. Змей сдержанно улыбнулся в ответ, достал из кармана монету в пятьдесят фразов, тоже приложил к стеклу. Девушка скользнула вниз и чувственно лизнула стекло – словно хотела слизнуть монету по другую сторону.

– А ты проказница, – заметил Змей. – Это тебе!

Пальцем заставил монету побежать все ниже и ниже по стеклу, с любопытством наблюдая, как, следуя за ней, изгибается тонкая фигура девушки. Прогнал монету до самого основания прозрачного куба, щелчком отправил в щель под стеклом. Танцовщица присела напротив, возвышаясь в своих туфлях на гигантских платформах. Положила монетку на узкую ладонь и, глядя в глаза Змею, слизнула ее, при этом едва заметно указав куда-то ему за спину.

Игривое настроение мгновенно испарилось. Змей перевел взгляд на стекло перед собой и заметил в отражении фигуру в знакомом облачении блюстителя. И улыбчивого торговца шавермой, выглядывавшего из-за его плеча.

Блюститель целился в него из штатного обрез вертикальной двустволки. Знакомая штука, травмат-парализатор для спецопераций в ограниченном пространстве. Главное не подать виду, что засек угрозу.

– Спасибо, крошка, – прошептал он.

И, пружинисто оттолкнувшись, ушел в сторону.

Глухо бахнуло. Со звоном разлетелось стекло. Истошно завизжала танцовщица, и почему-то еще громче заревела ритмичная музыка. Блюститель торопливо выпустил второй травматический заряд, но вместо Змея попал в какого-то бедолагу, разразившегося воплями боли.

В толпе началась паника.

Несколько метров Змей пробежал буквально на четвереньках, под ногами разбежавшихся людей. Однако теперь не стал убегать из принципа. Этот ублюдок, непонятно почему оказавшийся на месте связника, сдал его блюстителю. Он не мог не видеть по знакам на лице, что перед ним посредник. А значит, заложил сознательно, наехав на неприкасаемого.

Такого спускать нельзя.

Вскочив на ноги, Змей оказался лицом к лицу с блюстителем. Из-под массивной каски растерянно таращилось на него совсем юное лицо. Ну, конечно, матерых бойцов в патруль отправлять не станут. Паренек, впрочем, взял себя в руки, даже вскинул травмат, который успел перезарядить. Но поздно: Змей двинул ему кулаком в переносицу, и выстрел пришелся в цементное основание площади. Отскочившая пластиковая пуля снова улетела в толпу, заставив завизжать женщину. Нового выстрела блюститель сделать не успел, так как оружие оказалось в руках Змея, а его приклад – во лбу не успевшего сориентироваться паренька. Блюститель взмахнул руками и бесчувственно рухнул. Оставалось надеяться, что просто потерял сознание.

В другое время Змей ни за что не пошел бы на столкновение с блюстителем. Посредник презирает власть, но сам никогда не идет на конфронтацию. Он готов сдаться, и по общему правилу, его обычно отпускают, так как сам по себе посредник не совершает ничего противоправного.

Но Змей вне закона. И то, что блюститель выстрелил без предупреждения, только подтверждает это. Его хотели свалить наверняка. И что было бы дальше, нетрудно представить. Хорошо, этот был один. Но его «коллеги» появятся тут с минуты на минуту.

Надо бы найти эту гниду, чтобы та не успела указать на него раньше времени. Рука машинально погладила оружие. Один травматический патрон – чтобы козлина надолго запомнил встречу.

– Барыгу ищешь? – прозвучал над ухом вкрадчивый, чуть хриловатый женский голос. Танцовщица. Она успела накинуть на плечи легкий плащик и указывала куда-то в сторону тонким пальцем с длинным ярким ногтем: – Вон он!

Змей увидел. Торговец арабской внешности бросил свой коптящий прилавок на колесах и пытался раствориться в толпе, что не очень получалось из-за начавшегося хаоса. Коротко кивнув девушке, Змей бросился следом. У беглеца не было шансов. В прыжке Змей тараном сбил торговца, рухнувшего под ним, как бревно. Закрывая лицо руками, торговец заскулил:

– Не бей! Не надо! Я не хотел, меня заставили!

– Так «твоя-моя понимай» все-таки?! – прорычал Змей, вдавливая колено в горло торговца. – Ты у меня сейчас стихами запоешь!

Тот захрипел, безуспешно пытаясь сбросить душившее его колено. Змей ослабил давление, поинтересовался:

– Ты зачем меня сдал блюстителям, сука?

– Тебя ищут! – просипел торговец. – Китайца твоего еще месяц назад взяли. Хотели инфу из него выбить, так он помер под пытками.

– Да потому что не знал ничего! Идиоты... – Змей сплюнул. – Чего это меня так активно ищут? Меня же здесь год не было.

– Не знаю... Посредника здешнего вместо тебя взяли – ошиблись...

– Вот как. Серьезно, значит, взялись, на понятия забили?

– Я тут ни при чем! Я беженец, с Глубокого горизонта! Мне убежище дали на условиях содействия... Мне семью кормить надо!

Эти причитания Змей уже не слушал. Стало понятно, куда делся посредник Центрального сектора. Но какого, спрашивается, хрена его снова ищут? Не настолько же он насолил Директории! К тому же нарочно убрался на периферию, чтобы глаза не мозолить. Думал, со временем как-то сгладится. И вот на тебе!

Вдалеке слышались командные окрики. Мегафонный голос скрипуче приказал сохранять спокойствие. Блюстители. Однако такое внимание к его персоне вызывало недоумение. Неужели всех на него одного бросили? С сомнением поглядел на оружие в своих руках, положил рядом с бесчувственным телом молодого бойца. Толку от одного патрона мало, а привлечь к себе дополнительное внимание глупо.

Краем глаза заметил какое-то движение. Рядом собиралась большая группа людей в рабочей униформе, к группе прибывали растерянные горожане, отходившие со стороны продолжавшего бубнить мегафона. Группа становилась все больше, но расходиться не собиралась. Более того, некоторые, настроенные наиболее решительно, пытались организовать толпу.

В руках высокого одноглазого работяги, который был у них, видимо, за лидера, тоже появился мегафон. Мерзко заскрипев, мегафон заговорил голосом одноглазого:

– Друзья, прошу никого не расходиться! У нас есть право выражать свое мнение, и блюстителям нас не запугать!

Толпа одобрительно загудела. Кто-то быстро соорудил трибуну из ящиков и бочек, на нее быстро забрался одноглазый и заговорил еще решительнее и громче:

– Директория должна нас услышать и дать ответ! Черная вода прибывает, люди волнуются, не понимая, что происходит. Из дальних секторов бегут чумазные, нас становится слишком много. Кто знает – хватит ли нам чистой воды и пищи? Мы хотим знать, что происходит и чего нам ждать?

Толпа взорвалась воплями, поддерживая одноглазого. К ней присоединялись зеваки, до того просто толкавшиеся по рядам Месива. Большинство слушали сочувственно.

Это было что-то новенькое в давно знакомом Карфагене. Заодно становилось понятно, кто был настоящей целью блюстителей. Змей наблюдал за происходящим, раскрыв рот, на время забыв об угрозе ему самому. Одноглазый же еще больше взвинтил эмоции, практически перейдя на крик:

– А я скажу вам, что происходит! Директория что-то знает! Она уже начала придерживать запасы и прикручивать воду! Мы и без того тут не жируем, но нас вообще за людей не считают! Вы знаете, что дано тайное указание: ввести ограничение потребления питьевой воды? Есть случаи гибели от отравления черной водой, попавшей в питьевую! А если они специально подадут отраву в водопровод – просто чтобы подавить протесты?! – Толпа взревела. Одноглазый разорвался вовсю: – С одной стороны, они бросают на нас своих цепных псов, с другой – натравливают бандитов! Они думают, мы просто рабы, не имеющие ни голоса, ни сил! Но у нас есть силы! Мы заставим Директорию ответить! Если не дадут чистую воду, мы сметем эту зажавшуюся свору!

Рев одобрения заглушил звук мегафона блюстителей, пытавшегося переорать одноглазого. Но на этом стихийный митинг закончился. Раздались резкие, множественные хлопки – толпа заволновалась и стала разбегаться. Над ней стали подниматься клубы белесого дыма.

Слезоточивый газ пустили в дело, отметил Змей. Если оцепят территорию, ему не скрыться. Со всех сторон раздался удушливый кашель, беспорядочно побежали люди. За ними в газовом тумане показались вооруженные фигуры в противогазных масках, с дубинками и щитами, приближавшиеся плотной цепью.

Пора было уносить ноги.

– Со мной пойдешь, – сказал Змей, поднимаясь и рывком ставя на ноги торговца.

– Нас пристрелят, – упавшим голосом поведал торговец. – А мою семью вышлют обратно. Я же контракт подписал.

– Значит, в твоих интересах выбраться отсюда по-тихому. Знаешь как?

Глаза торговца нервно забегали. Остановились на двухметровой бетонной тумбе неподалеку. Вскинув руку, он указал на тумбу:

– Мусороприемник. Туда все из баков вываливают, и оно куда-то вниз проваливается.

– На уровень ниже! – кивнул Змей. Толкнул перед собой торговца. – Это вариант. Давай вперед!

Под неразборчивые вопли мегафона они добежали до мусороприемника. В бетонном параллелепипеде имелись низкие двустворчатые двери, призванные оградить пространство площади от мусорной вони. Получалось не особо эффективно. В клубах белого дыма от газовых гранат появились вооруженные фигуры в противогазах. Но беглецы уже скрылись за железными дверьми.

В полу тесного помещения была лишь железная воронка полутораметрового диаметра, сходящаяся в черную дыру сантиметров семидесяти в поперечнике и источающая тошнотворное зловоние.

– Давай пошел первым! – приказал Змей.

– Туда?! – в ужасе завопил торговец. – Я не...

И полетел в воронку, отправленный туда увесистым пинком. Потерял равновесие, упал на спину и скользнул головой вниз, в черный провал.

– Как дерьмо в унитаза, – прокомментировал Змей.

Прислушался, надеясь, что невольный спутник не свернул себе шею. Из глубины трубы донесся приглушенный стон, перешедший в ругань. Значит, живой. Перегнувшись через невысокую металлическую стенку, Змей на секунду задумался.

– Ты в любую помойку нырнуть готов ради острых ощущений? – раздался за спиной негромкий голос.

Знакомый. Обернувшись, Змей увидел ту самую танцовщицу, уже дважды выручившую его сегодня. Только ее появление в этом омерзительном месте казалось странным и даже диким.

– Ты чего за нами увязалась? – без особого интереса спросил Змей. – Как бы у тебя у самой проблем не возникло.

– У меня и так теперь проблемы, – отозвалась девушка. – Благодаря тебе мое место работы – вдребезги. Хозяин на меня убытки повесит. Он еще та гнида.

– И чего ты от меня хочешь? Чтобы я компенсировал?

– Ты догадлив, малыш. – Девушка дерзко посмотрела ему в глаза. Провела себя по щеке багровым ногтем, намекая на татуировку Змея. – Ты ведь посредник, верно? Значит, фразы у тебя водятся в достатке.

– Только я не тот посредник, который тебе поможет, – нетерпеливо заметил Змей. – Таких денег у меня сейчас нет. Тебе отдал последнюю монету.

– Только не прибеждайся. Хочешь сказать, что тоже на мели?

– Я, конечно, рассчитываю получить кое-что за посредничество. Но ситуация такова, что со мной вместо денег скорее получишь пулю,

– Я все же рискну, – отозвалась танцовщица. – Мне терять нечего. – Поглядела в сторону воронки, добавила: – Но не настолько, чтобы не раздумывая нырять в это дерьмо. Особенно когда рядом есть лестница.

Она указала на малоприметный люк в углу каморки.

С трудом поддев и откинув металлическую крышку, Змей хмыкнул: на нижний уровень действительно вела узкая железная лесенка. Но полетевшего через мусорную дыру торговца не было жалко – он заслужил свой помойный полет.

– Уверена, что тебе это надо? – еще раз спросил Змей. Поймав твердый взгляд девушки, пожал плечами. – Ну, смотри сама. Если пойдешь со мной, возражать не буду. Только будешь делать, что я скажу. И не надейся на поблажки от меня за свои стройные ножки. Имя у тебя есть?

– Тана. Спасибо за «стройные ножки».

Последние слова девушки прозвучали в пустоту: Змей уже скользнул вниз по лестнице в зловонную темноту.

* * *

Вонь здесь была просто невыносимая, и обоняние отказывалось адаптироваться даже спустя некоторое время пребывания в обширном, слабо освещенном бетонированном зале с горой мусора по центру, под срезом торчащей из потолка трубы. У подножия кучи отряхивался торговец, чертыхаясь и бормоча себе под нос что-то ворчливо-невнятное. С его волос капала вонючая жижа, на ушах повисли какие-то ошметки.

– Я вижу, ты кое-что про себя понял, – оглядывая его, заметил Змей. – У меня к тебе еще пара вопросов. Только давай выберемся куда-нибудь из этой задницы. Видишь где-нибудь выход?

– Я вижу.

Голос принадлежал девушке, тихо спустившейся вслед. Она вышла из-за спины Змея уверенной и неуловимо «породистой» походкой, способной мгновенно отключить мозг любому мужику. Тану, казалось, ничуть не смущали ни вид этого места, ни вонь, ни сама ситуация. Девчонка была не робкого десятка.

– Вот там, – она указала на темный провал в дальнем углу. – Если отсюда вообще есть выход, то это он.

– А ты вообще кто? – растерянно спросил торговец. – Откуда здесь взялась?

Он стоял, брезгливо раскинув руки, словно боялся прикоснуться к самому себе. Тана подошла к нему, с материнской нежностью осмотрела с головы до ног, сняла с черного «ежика» волос какой-то обрывок, отбросила в сторону. Легонько взяла беднягу за подбородок, приблизила к его лицу свое. Спросила, глядя в глаза:

– Как тебя зовут, маленький?

Оробевший торговец пробормотал:

– Хабиб... – зачем-то указал в сторону посредника. – А его – Змей. Я в ориентировке у блюстителей видел.

– Вот как? – Тана с той же легкостью оттолкнула торговца, сделала пару шагов в сторону Змея. – Я слышала про тебя. Ты вроде убил блюстителя? За тебя еще награду назначили.

Змей поглядел на нее исподлобья, не спеша с ответом.

– Правильно сделал, – с неожиданной злостью произнесла девушка. – Ненавижу этих уродов. Хуже неприкасаемых.

– Я не убивал его, – сказал Змей.

– Жаль, – пожав плечами, кровожадно заметила девушка.

– Его убила моя сестра. – Девушка поглядела на Змея каким-то новым взглядом. Он пожалел, что разоткровенничался с первой встречной. Сентиментальность – не лучшая черта для посредника. Поспешил закончить: – Это была самооборона. Естественно, я взял его смерть на себя.

– Он хотел ее... – Девушка замолчала.

– Неважно, – оборвал ее Змей и направился туда, где предположительно находился выход. – Сочувствие от шлюхи звучит фальшиво.

– Я прощу тебе «шлюху», но только из женской солидарности – к твоей сестре, – донеслось вслед. – В следующий раз ты пожалеешь...

– Ладно, извини, – оборвал ее Змей. Не оборачиваясь, поманил жестом торговца. – Эй ты, как там тебя...

– Хабиб...

– Будешь Хаб. Давай вперед, быстро.

* * *

Из этой бетонной помойки выходил туннель метров трех в диаметре, по которому, видимо, осуществлялся вывоз мусора. Туда и пошли. Через боковую дверь в глубине туннеля выбрались сначала в узкий промежуточный коридор, который извилистым путем вывел в пространство одиннадцатого уровня.

Всю дорогу торговец трясся от страха, чесался и отплевывался. В полумраке казалось, что не человек это, а подхвативший чесотку енот. То ли дело девчонка: она была невозмутима, будто ей все равно – лазить по помойкам или крутиться у шеста. В другое время Змей познакомился бы с ней поближе, но сейчас было не до развлечений. Да и настроена красотка довольно решительно. Оставались, правда, сомнения: как бы не подвела в какой-нибудь важный момент. Не было у него доверия к бабам. С детства.

Туннель вел куда-то в глубину, где, надо думать, и происходила утилизация мусора. Скорее всего, его сжигали – энергия в Карфагене никогда не бывает лишней. Но эти подробности не интересовали беглецов – нужно было выбраться в обитаемый сектор. Вскоре удалось обнаружить железную дверь в наклонной стене.

Этот уровень был техническим, а потому не отличался чистотой и высоким сводом. Однако здешний спертый, пропитанный металлом воздух после недавней помойки казался просто райским. Заметив в отдалении фигуры в синей униформе и оранжевых касках, Змей остановил спутников и сделал знак: «тихо». Работники служб вентиляции и энергетики, заметив чужаков, вполне могли «стукнуть» на них блюстителям. Бригада в униформе, однако, быстро удалилась. Наверное, совершала плановый обход. Появилось время перевести дух.

Присели на решетчатом пандусе у входа в мусорный туннель. Хабиб сидел, сгорбившись, с видом покорности судьбе. Тана же приняла расслабленную, но вместе с тем изящную позу, вытянув одну ногу в «стрипе» и обхватив руками вторую. Змей с трудом заставил себя отвести взгляд от маленьких пальцев с накрашенными ногтями, видневшихся из яркой туфли.

– Не успела переобуться, – зачем-то сообщила Тана.

– Твои проблемы, – отозвался Змей. Повернулся к торговцу. – Слушай сюда, Хаб. Вэй был моим человеком, с твоей подачи он исчез...

– Я тут ни при чем! – запротестовал Хаб. – Я же говорю, я на его месте случайно...

Змей знаком остановил его:

– Мне глубоко наплевать, что ты там говоришь. Я собирался получить от него информацию, а теперь информатора у меня нет. Раз уж ты занял его место, в твоих интересах оправдать это.

– Я не понимаю...

– Теперь ты мой информатор. И постарайся не разочаровать меня. – Змей поймал на себе любопытный взгляд Таны. Эта сучка просто развлекалась! Как будто для нее тут спектакль разыгрывают. Нахмурившись, Змей с нажимом спросил торговца: – Что ты слышал про Новичка?

– Про к-кого?

– Про банду пришедших из Грязного сектора и их главного.

– Новичок? – Торговец пожал плечами. – Никогда не слышал.

– Не зли меня, – спокойно произнес Змей. – Как это не слышал, если сам из беженцев? В каком месте ты соврал?

– Но я же из простых, из нормальных, а не из неприкасаемых! – Хабиб отчаянно затряс грязными руками, будто это могло придать его словам убедительности. – Я маленький человек, я всю жизнь работаю, никогда ни с какими бандитами дела не имел! Я просто боюсь – за себя, за семью...

– Как ты работаешь в Месиве, если с неприкасаемыми не пересекаешься? – тихо спросила Тана. – Ты не можешь держать место и не платить смотрящему.

Лицо торговца побледнело, затряслась челюсть. Змей с интересом поглядел на девушку: он не ожидал от нее поддержки. Однако «двойной нажим» не принес нужного результата. Торговец вдруг мелко задрожал и разразился рыданиями:

– За что мне это все? За что? Я никому не хотел зла... Но все хотят зла мне... Мне нигде нет места! Я всю жизнь от кого-то бегу, от кого-то прячусь, и все мне только угрожают! За что?!

Несколько смутившись, Змей пожал плечами:

– У всех свои проблемы. Я же не ною. И она, вон, не ноет, – он кивнул в сторону Таны. – Но мне нужна информация, и я ее добуду. Если ты не хочешь говорить или не желаешь напрячься и подумать как следует, я выжму из тебя все, что мне нужно. И ты перестанешь жаловаться на жизнь. Трупы не жалуются.

– Не мучь его. Видишь, он ничего не знает, – сказала Тана. – Странно: ты уже готов сделать из человека фарш, но даже не подумал спросить меня.

Посредник перевел взгляд на девушку:

– А ты... что-то знаешь? Про Новичка?

– Слышала. Он моего босса вроде пытался под себя подмять. Но ребята Клона его отшили.

– Дальше... – Змей невольно вытянул шею, боясь потерять хоть каплю драгоценных сведений.

– А все. Больше я ничего не знаю. – Тана дернула плечом. – Шлюхам же не докладывают, мое дело грести денежки для начальства.

– Ну, прости за «шлюху»... А где его искать, этого Новичка, не слышала?

Тана наморщила лоб, вспоминая:

– Что-то говорили... Про какую-то «гладильню», на нижних уровнях, что ли...

– Градирню, наверное, – оживился Змей. – Это система охлаждения реактора.

– Да, наверное. Вроде там место поганое, радиация и все такое, зато свободно и не суется никто.

– Вот пришлые там и обосновались, – кивнул Змей. – Логично. Спасибо за наводку. Учись, слякоть!

Последнее было обращено Хабу, продолжавшему размазывать по лицу мокрую от слез грязь. Наверное, Змей пожалел бы его, если б все еще мог испытывать жалость. Но эту способность он потерял вместе с потерей близких, сгинувших при эвакуации. Последнее человеческое в нем теплилось лишь благодаря маленькой Ксю. Конечно, та «маленькая» – она лишь в его навсегда замерзшей памяти. Но кому какое дело до его внутренней «капсулы времени»?

Сейчас оставалось лишь дело – единственное, что держит его в форме, не давая превратиться в отчаявшуюся размазню, вроде этого пришибленного жизнью Хаба.

– Может, ты хотя бы дорогу в градирню знаешь? – разглядывая торговца, спросил Змей.

– Я же не местный...

– Да, вижу, – усмехнулся посредник. – Толку от тебя... Ладно, не напрягайся, ничего я тебе не сделаю. Но и отпустить не могу, пока дело не сделаю.

– Зачем я вам? Я только мешать буду! – взмолился торговец. – Отпустите! Я никому ничего не скажу!

– Нельзя его отпускать, – заметила Тана. – Он же тряпка – сразу приползет к блюстителям.

Однако девка хваткая – уже от его имени дела решает. Наверное, считает себя членом команды. Надо бы ее одернуть, объяснить, что никакой команды нет, что посредник всегда работает один. А она – просто случайная попутчица, которую он сбросит, как балласт, когда посчитает нужным.

Но вслух почему-то ничего не сказал. И правильно сделал, так как Тана вдруг заявила:

– Я, кажется, знаю дорогу.

– Ты была там?

Тана странно улыбнулась – одними губами, тогда как в глазах появилось совсем другое выражение.

– Я там выросла. Только не знала, что «ядовитый дождь» – это градирня.

Змей понял, что это за взгляд, несовместимый с улыбкой.

Это боль.

* * *

Перед глазами в клубах пара стояла стена воды. Непрекращающийся, отдающий жаром ливень казался непреодолимым препятствием. Особенно если учесть, что водичка-то – с радиоактивным душком, даже стоять рядом и дышать этим паром было не особо приятно. Но впечатляло. Он даже не представлял, какая мощь таится в глубинах Карфагена. Просто никогда не интересовался такими мелочами. Интересно, кто-то контролирует эту силу – или все работает само собой, по инерции? Тогда остается лишь свято верить в надежность автоматики.

Неудивительно, что пришлые решили обосноваться именно здесь. Никому в здравом уме не придет в голову сунуться в этот жидкий ад.

– И что, они там? – глядя в мутный туман, спросил Змей.

Его голос тонул в шуме странного подземного «дождя».

– Откуда мне знать? – отозвалась Тана. – Я рассказала, что слышала. А в детстве... Мальчишки рассказывали, что проходили на ту сторону. Но то мальчишки.

– Могли и приврать, – с надеждой пробормотал Хаб. – Мальчишки – они же врут всегда...

– Оставайтесь здесь, – оборвал его Змей. – Если не вернусь через час – уходите.

– Ты что, серьезно? – В голосе Таны впервые появилось беспокойство. – А вдруг я что-то не так поняла, не то услышала, а ты...

Она умолкла.

Привстав на одно колено, Змей приблизил лицо к шершавому бетону, поглядел на поверхность сбоку. Сдержанно хмыкнул: на влажном бетоне сохранились смазанные следы ботинок, неосмотрительно вступивших в тягучий битум. Следы нечеткие, но свидетельствующие о том, что он не первый, решивший отправиться сквозь водяную стену.

Поднявшись, сказал девушке:

– Вот и проверим. И кстати, присмотри за Хабом. Чтобы не сбежал и не настучал кому не следует. Нам еще назад возвращаться.

И, уже не оглядываясь, шагнул под горячий дождь.

Через секунду он был насквозь мокрым, и в голове загудело от ударов увесистых капель. Казалось, этот искусственный дождь стремится сбить его с ног, расстрелять насквозь злыми водяными шариками.

Однако он ожидал куда более неприятных ощущений, например, что его не на шутку ошпарит или собьет с ног. Но голос разума подсказывал: если кто-то недавно прошел туда, значит, это реально. О том, что имеет все шансы хватануть опасную дозу радиации, старался не думать. Это просто глупо, когда понятия не имеешь, что ешь каждый день и каким воздухом дышишь. Говорят, человек привыкает к радиации, как привыкает ко всему, что поначалу кажется невыносимым. И кому какое дело, что половина людей вымрет – зато другая, более устойчивая, получившая новые признаки в результате мутаций, выживет. Человечество – живучая многорукая, многоголовая тварь. Даже ядерная война ее не добила полностью.

Перед глазами была непроглядная пелена, и пытаться понять, куда он движется, было невозможно. Ступал он аккуратно, нащупывая подошвой крупноячеистую решетку под

ногами, сквозь которую пролетали водяные струи. Дышать здесь было практически невозможно, и, предполагая это, он предварительно набрал полную грудь воздуха. По ощущениям он прошел не менее двадцати метров, прежде чем наткнулся на глухую каменную стену. Самое время запаниковать – в голове звенело от долгой задержки дыхания, и был шанс захлебнуться в водно-паровой взвеси.

Он двинулся вдоль стены, ведя по ней ладонью, и шел так, вслепую, пока рука не провалилась в какой-то проход. Не думая, он буквально вынырнул в этот проход и жадно набрал полную грудь воздуха. Только после этого наконец проморгался, смахнув с лица воду с отвратительным металлическим привкусом. И открыл глаза.

Тут же зажмурился от яркого света: в лицо ему ударил свет фонаря.

– Стоять! Руки в гору!

Голос был нагловатый, развязный. Даже с закрытыми глазами Змей понял: это кто угодно, только не блюстители. Поэтому он даже не подумал поднимать руки, а сказал твердо, не давая голосу дрогнуть:

– Мне нужен ваш главный. Не знаю, кем он там себя считает, но в этих местах его зовут Новичком.

В ответ раздалось многоголосое ржание. Проигнорировав такую реакцию, он заставил себя прямо взглянуть на этот обжигающий свет и сказал с той же твердостью:

– Скажите ему: пришел посредник. И пусть поторопится. Я и так потерял много времени.

* * *

Сразу стало ясно: его убьют. Без вариантов. Он кожей чувствовал угрозу, и так близко ощущать дыхание смерти еще не доводилось. Его не грохнули сразу только по одной причине – любопытство. Он умудрился заинтриговать этих отморожков, понятия не имевших о правилах, по которым существовали неприкасаемые. Просто потому, что все они были новичками, впервые вдохнувшими воздуха свободы – и отравившимися ею.

Забитые рабы с самого дна жизни, они так бы и оставались в Грязном секторе, который обеспечивал им гарантию выживания, пусть даже в диких, неприспособленных для жизни местах. Этим людей когда-то «милостиво» пустили в глубины Карфагена, спасая от неизбежной гибели на поверхности, но пустили на совершенно бесчеловечных условиях. Просто кто-то должен был добывать руду, долбить туннели и утилизировать отходы гигантского человеческого муравейника – и это стало ценой их жизни. Какое-то время они понимали это и платили благодарностью, потом привыкли, потом смирились.

Но в последнее время шаткое равновесие нарушено – в Грязный сектор пришла черная вода. Она сделала жизнь этих людей совершенно невыносимой, хотя до этого казалось: хуже быть уже не может. Стало настолько плохо, что они нарушили социальный контракт – и попытались покинуть отведенный им сектор. Говорят, блюстители какое-то время держали барьеры, пресекая попытки прорыва и положив там немало народу. Но в какой-то момент чумазные просто перестали бояться смерти – и смели заслоны. Начался приток чужаков в чистые сектора.

И если часть беженцев удавалось как-то встроить в принятую здесь жизнь, то немалая часть пришла озлобленная, с неистовой жадью мести за убитых, замученных, униженных соплеменников. Теперь бесполезно объяснять, кто и кого когда-то спас. Молодые никогда не знали другой жизни, а ядерная катастрофа на поверхности казалась им бессмысленной сказкой – как и сама эта мифическая поверхность.

Они хотели всего и сразу. Здесь и сейчас. И они ничего не боялись.

Вот они плотно набились в тесное пространство под громадными железными чанами, трубами, свисающими сверху гроздьями гофрированных металлических шлангов, в свете бледных светильников где-то под невидимым снизу сводом. Острые, настороженные, злые взгляды

на темных от въевшейся грязи лицах. В руках – ножи, самодельные заточки, и лишь у некоторых – огнестрельное оружие. Причем тоже изготовленное кустарно: грубо обработанные стволы, похоже, под патрон двенадцатого калибра, с неказистыми прикладами. Эти ребята были из другого мира – агрессивного к человеческому существу, сурового и недружелюбного. Неудивительно, что и здесь они нашли такое же неуютное, труднодоступное убежище, куда не придет в голову соваться никому, даже патрулям блюстителей. Лучше всего они ориентировались в тесных и грязных лабиринтах. Как крысы, с которыми их презрительно сравнивали обитатели чистых секторов.

Эти-то знали, какое место им уготовано в иерархии Карфагена. За то и ненавидели всех, кто не принадлежал к их взбунтовавшейся касте.

– Ну, и чего хотел?

Главарь смотрел на него сквозь презрительно прищуренные веки. Изможденное, исчерченное морщинами лицо, смуглое и почерневшее от грязи. Странно смотрелись прямые, как у индейца, волосы, рваными паклями свисавшие до плеч. Одет он был, как и все они – в бесформенный серый комбинезон с закатанными по локоть рукавами.

– Ты – Новичок? – ровно спросил Змей. – Не знаю твоего настоящего имени. Или реального погоняла, если такое имеется.

– Тебе оно уже не понадобится, – без тени иронии сообщил главарь. – Меня прозвали здесь Новичком, и я принял это имя. Потому что мы и есть новая сила в этом гадюшнике. И заставим с собой считаться.

– Это твое дело, – согласился Змей. – А мое дело сообщить о последствиях.

Его прервал странный звук – шипение вперемешку с рычанием, словно он попал в серпентарий с агрессивными змеями. С таким выражением ненависти еще не доводилось сталкиваться. В его сторону разом подались несколько чумазых с явным намерением оборвать разговор раз и навсегда. Новичок остановил расправу едва заметным жестом. Поинтересовался:

– Ты ведь понимаешь, что не уйдешь отсюда живым?

– Я посредник, – раздельно повторил Змей. – Посредников не трогают. Это не по понятиям.

– Мы слышали о ваших понятиях, – с презрением произнес Новичок. – Знаешь, куда можешь их засунуть? Что у тебя еще?

Эти крысы начинали терять терпение. Следовало тянуть время. Что не повышало шансы договориться, но давало небольшую отсрочку расправы. Иногда лишние секунды дарят спасение.

– Вы зашли на территорию неприкасаемых, – размеренно продолжил Змей. – Вы пытаетесь взять то, что вам не принадлежит. Если за вами сила – это предмет для переговоров. Если вы отказываетесь от переговоров – вы становитесь вне понятий. Новичок, ты понимаешь, что это значит?

– Плевать.

– Вы уже вне закона, – раздельно разъяснил Змей. – Вы можете существовать вне правил Директории – так и живут неприкасаемые. Но здесь, вне закона, действуют понятия. Это их территория, неприкасаемых. Наша территория. Третьего не дано.

Змей сделал паузу, глядя Новичку в глаза. В этих глазах не увидел ничего, кроме презрения. Он словно говорил со стеной. С трудом заставил себя продолжить:

– Я вижу, ты не понимаешь. Небольшой ликбез. В Центральном секторе действуют три группировки неприкасаемых. Между ними случаются терки – тогда приходит посредник. Если посредника игнорируют – льется кровь. Иногда всякая шушера вроде вас пытается влезть на эту территорию, устроить свой мелкий бизнес. В общем, путаются под ногами. Приходит посредник – и объясняет, где их место. Самозванцы убираются, предварительно заплатив штраф. Или умирают. Я понятно объясняю?

– Так ты пришел за штрафом? – с сарказмом спросил какой-то тощий дрыщ за спинами чумазных покрепче.

Чумазные рассмеялись, на этот раз глухо и угрожающе. Змей посмотрел исподлюбья:

– Лучшее, что вы можете сделать, – отдать сумму штрафа мне. Я гарантирую его доставку делегировавшим меня авторитетам. При этом я возьму процент за «наезд» – потому что хамить посредникам стоит дорого... – Толпа чумазных заклокотала от ярости. Змей с трудом сдержал мстительную улыбку, продолжил: – После этого вам дадут сутки, чтобы раствориться. Исчезнуть. Отсчет времени начинается с визита посредника. То есть меня.

На этот раз Новичок сделал успокаивающий жест заранее. Сказал:

– Ладно, хватит. Я посмеялся, спасибо.

– Что-то я не заметил веселья. – Змей краем глаза оценивал обстановку.

Он не сомневался, что схватка неизбежна, и его, с высокой долей вероятности, прикончат. Странное дело, отчего-то он ощутил вдруг ледяное спокойствие. Смерть так смерть. Надежные ребята присмотрят за сестренкой, и это главное.

– Все, что ты сказал, – пыль и плесень, – медленно произнес Новичок. – Мы пришли сюда из такого ада, что ты даже не можешь вообразить своими заплывшими жиром мозгами. Запугать нас невозможно. Мы не боимся смерти – смерть для нас благо. Мы не боимся убивать – все, кто жил за счет наших страданий, заслуживают смерти. Ты смелый парнишка, раз пришел сюда и посмел сказать этим людям все то, что ты сказал. А может, просто самонадеянный дурак. В любом случае тебе крышка. Но ты мне понравился, и потому я не буду снимать с тебя кожу, как планировал поначалу. Тебе просто отрежут голову.

Сухие пальцы щелкнули в воздухе. Могло показаться, сам дьявол спустил с цепи толпу чертей, что бросились со всех сторон на посредника. Мелькнули в воздухе заточенные ножи и оскаленные в предвкушении зубы.

Но так просто он им не дастся.

Одновременно с отмашкой на расправу Змей дернул пряжку ремня. В другое время это был бы просто забавный фокус: пряжка в руке, а ремень на месте. При этом из пряжки сверкающим жалом извивается длинная и острая как бритва стальная лента. Уруми – изобретение древних индусов, усовершенствованное на промышленной основе, последний шанс посредника, приходящего с голыми руками в логово кровожадных упырей.

Цепкие пальцы попытались ухватить его за руку – и тут же обмякли на отрубленной резким ударом руке. Воздух наполнился воем боли и ярости. Первая волна нападавших отхлынула, оставив лежащими на каменной поверхности четыре изувеченных, корчащихся от боли тела.

– Тебе придется стрелять! – сквозь зубы процедил Змей. Он продолжал умело нарезать гибким лезвием «восьмерки» перед собой, не давая врагам приблизиться. Сталь хищно свистела, рассекая воздух. – В контактном бою твои крысы ни на что не способны!

Это было опрометчивое заявление. На миг потеряв контроль за тем, что происходит за спиной, он ощутил удар – и кубарем полетел вперед, на забрызганную кровью поверхность. Скользящий от крови змееподобный клинок вырвался из пальцев и полетел в сторону. Со всех сторон навалились жилистые тела, лишая движения, скручивая и заламывая руки. Кто-то уже оттягивал за короткие волосы голову, заставляя его открыть горло.

Перед ним на корточки присел главарь, с любопытством заглянул ему в глаза. Осмотрел поднятый с пола уруми, с которого продолжали стекать струйки крови. Произнес:

– Зря ты покалечил моих братьев. Придется тебе все же спустить шкуру.

Змея распяли на перекрестии труб, содрав куртку и мастерку. Руки были примотаны проволокой к тонкой ледяной трубе, спину обжигал горячий металл, но он почти не чувствовал ожога: он смотрел на длинный острый нож в руке коренастого мясника с обожженным лицом, старательно объяснявшего ему предстоящую процедуру:

– Сначала я сделаю тебе надрезы на запястьях – чтобы можно было закатать кожу по локоть. Затем...

– ...за мной придут... – с трудом произнес Змей. Он старался держаться до конца, хотя получалось уже не очень. – М-мои мучения покажутся вам детской забавой...

– Пусть приходят, – улыбнулся палач. – Мы просто не дадимся живыми.

Это было сильное заявление. Змей пожалел, что не дал убить себя в драке. Наверно, потому, что не привык играть в поддавки.

– А тебя я прикончу лично, – глядя в глаза своему мучителю, сказал Змей. – И мне плевать на твое трудное детство.

– Приступай! – приказал Новичок.

К лицу приблизился тот самый мясницкий нож, и можно было разглядеть отлично заточенную кромку. Глядя ему в глаза, коренастый ухватил Змея за мочку левого уха, болезненно оттянул со словами:

– Сейчас я отрежу тебе ухо и сожру у тебя на глазах.

– Валяй, – отозвался Змей. – Я резать не буду – зубами тебе лицо обглодаю.

Коренастый оскалился, поднял нож.

И вдруг в этой железной Преисподней наступил мрак. Змею показалось, что у него от стресса просто отключилось зрение. Пальцы, сжимавшие ухо, пропали. Через секунду свет снова вспыхнул, больно резанув по глазам. И тут же пришел звук – оглушающий, резкий.

Звук взрывов.

«Светошумовые гранаты», – мелькнуло в мозгу, и тут же задымленное пространство вокруг осветилось вспышками выстрелов. Куда-то пропал этот мерзавец с ножом. Как, впрочем, и остальные чумазы. Они словно растворились в воздухе. Впрочем, пространство вокруг недолго оставалось пустым – его заполнили знакомые вооруженные фигуры в специальной экипировке. Командный голос крикнул:

– Внимание! Охлаждающий контур оцеплен силами быстрого реагирования! Сложившим оружие я гарантирую жизнь, все, оказавшие сопротивление, будут убиты на месте!

Эти слова прозвучали в пустоту. Что эти чумазы крысы умели лучше других – так это забиваться в щели.

– Командир! Я тут нашел одного! – крикнул молодой голос.

Увидев возникшего перед ним бойца, Змей не сдержал усмешки:

– Ну что, очнулся?

Это был тот самый блюститель, получивший от него прикладом в лицо. На месте носа у него был сплошной кровоподтек, глаза ввалились в черные круги. Парнишка опустил автомат, из которого целил напрямик в голову пленнику, приняв того, видимо, за одного из членов банды. Подсветил тактическим фонарем, закрепленным на стволе, всмотрелся в лицо повисшего на трубах человека и невольно отпрянул. Видать, тоже узнал его – и лицо его обрело озверелый вид.

– Давай бей! – оскалившись, предложил Змей. Устроился «поудобнее», повиснув на трубах. – А может, тоже желаешь с меня шкуру снять? Не стесняйся, пользуйся моментом! Только по правилам: сначала по локоть шкуру закатай, потом воротник сооруди...

Боец приблизился, сверля Змея взглядом, и с силой замахнулся автоматом, целясь прикладом в лицо обидчика. Тот невольно вжал голову в плечи, ожидая удара.

Удара не последовало. Вместо этого парнишка зычно выкрикнул:

– Внимание! Объект обнаружен! Повторяю, я нашел его!

Глава вторая

На стороне врага

Очнувшись, он долго не мог понять, где находится. Просто потому, что не стыковались недавние воспоминания и то, что он увидел, открыв глаза. Последнее, что он помнил, – жуткое нутро системы охлаждения энергостанции. Там с ним хотели сделать что-то весьма неприятное, о чем память туманно умалчивала. Потом были блюстители, этот парнишка, так неудачно отхвативший от него до этого... Еще были наручники, лицо в пол и колено крепкого бойца между лопаток – после того, как его сняли с железного «распятия».

Да, еще укол в шею, после которого он уже ничего не помнил.

Стало быть, его вырубили. И вот он здесь. Не в погребальной яме с пулей в затылке, не в топке системы отопления, где из отработанного человеческого материала вырабатывают энергию и удобрения, не в грязной камере, а в чистенькой комнате, напоминавшей гостиничный номер. Впрочем, без «ящика», мини-бара и прочих приبلуд из «прошлой жизни». Зато имелась жратва – он не сразу заметил поднос, предусмотрительно оставленный на журнальном столике.

Здесь был самый настоящий хлеб! Аккуратно нарезанные кусочки «кирпичика», а не имитирующая хлеб лепешка из биомассы неизвестного происхождения. И тут были яйца – настоящие, куриные, сваренные вкрутую. В рядах Месива такое лакомство стоит недельного заработка шахтера. И кофе. Еще теплый, в кофейнике-термосе. Плеснув в чашку, он долго сидел над ней с закрытыми глазами, пытаясь распознать в этом запахе искусную имитацию. Потому что не мог поверить: обреченного на расправу неприкасаемого поят напитком богов, запасы которого давно считаются навсегда исчерпанными. Не теряя ни секунды, принялся есть и пить, пока хозяева всего этого богатства не пришли в себя и не поняли, что кормежка – не по статусу пленника.

Насытившись, поднялся и быстро исследовал помещение. Дверь здесь тоже была вполне себе надежной. В этом он убедился, пытаясь найти дверную ручку и обнаружив металл под покрытием, имитировавшим дерево. Покрытие было подозрительно поцарапано, словно кто-то уже пытался продрасть изнутри, используя собственные ногти.

Похоже, все-таки камера. Только для VIP-персон, как говорится. Дело принимало новый оборот. Его не ликвидировали с ходу и не хотели сгноить в каменном мешке в назидание прочим неприкасаемым. Значит, его хотят каким-то образом использовать. Сделать стукачом, к примеру. Если так – то у блюстителей что-то не так с головой. Даже ослу ясно, что посредник не пойдет ни на какое сотрудничество с Директорией. Во-первых, это запахло. Во-вторых, равносильно самоубийству.

Долго мучиться предположениями не пришлось. Лязгнули засовы, дверь тяжело отошла в сторону, и в комнату вошла пара громил в форме. Один держал руку на рукояти компактного пистолета-пулемета, пистолет второго был в расстегнутой кобуре, притороченной к бедру. Эти не были похожи на рядовых патрульных. Видимо, какое-то элитное подразделение, с которым пересекаться не приходилось. Может быть, к счастью, так как вид этих парней не вызывал желания пробовать на них свои силы. Посредник в принципе не лезет в драку, если только не сталкивается с совсем уж оторванными идиотами, вроде того зверья из Грязного сектора.

Однако отчего такое внимание к его скромной персоне? Обвинения в его адрес сводились к банальной уголовщине, а это дело блюстителей. Что, черт возьми, происходит?

– Пройдемте с нами, – пробасил тот, что был с пистолетом. Надо полагать, офицер и главный в этой парочке. Змей не особо разглядывал знаки различия.

– А куда, по какому поводу? – не особо надеясь на ответ, спросил Змей.

Принялся натягивать лежавшую на стуле мастерку. Куртка была здесь же. Надо же, озаботились подобрать и притащить с нижнего уровня. Куртку он тоже надел, хоть в помещении было не так уж и холодно. Просто не было уверенности, что сюда доведется вернуться.

– Там все объяснят, – сказал офицер. – Главное, не дергайся и не провоцируй на применение оружия.

– Окей, – покладисто отозвался Змей. – Постараюсь быть душкой.

* * *

Он считал себя все повидавшим, далеко не бедным малым, хорошо понимающим, что почем в этом подземном мире. Но даже понятия не имел, что на территории Карфагена присутствует такая роскошь. Его вели среди величественных колонн, фронтонов, портиков и статуй, искусно подсвеченных и вроде даже позолоченных, и он не мог поверить, что такое возможно в этом огромном бункере, созданном исключительно с утилитарной целью – стать убежищем от последствий ядерных ударов.

Хотя кто сказал, что спустя годы после катастрофы надо продолжать посыпать себе голову пеплом? Жизнь продолжается, а красиво жить не запретишь. Он не сектант-аскет, не заговорщик из анархического подполья, да и вообще плевать хотел на социальную справедливость. На власть имущих при этом ему плевать точно так же, как и на голодранцев из аграрных секторов. Единственное, о чем можно пожалеть, – так о том, что он сам не живет на элитных уровнях, поплеывая на нищелюдей под ногами.

Самое забавное: чтобы увидеть этот райский уголок, следовало насолить Директории и попасть в лапы блюстителей. И кстати, неизвестно еще, куда его ведут и чем дело кончится.

Когда глаз немного привык к агрессивной роскоши, стало понятно, что здесь нет жилого пространства, а все эти колоннады, величественные лестницы и порталы принадлежат административным структурам. Попросту – Директории. В одно из таких административных зданий, точнее, имитацию здания, фактически утопленного в скальную породу, его и вели. Не успев прочесть массивную табличку перед входом, Змей предположил, что это какое-то силовое ведомство. Что подтверждалось множеством людей в форме, шагавших по коридорам.

Змей сразу почувствовал себя неуютно. Парадокс, но даже в тюрьме, к которой не питал симпатии, он ощущал себя естественнее и свободнее. Здесь же все было ему совершенно чуждо и даже враждебно. Хуже всего – он понятия не имел, как себя здесь вести и что делать, чтобы не оказаться в проигрыше. В итоге решил плюнуть на все и просто плыть по течению. По крайней мере, он все еще жив, и это в какой-то мере благодаря людям Директории. Еще один парадокс, с которым придется мириться.

Пока его вели по длинному коридору с бесконечными рядами безликих дверей, он был уверен, что его путь окончится таким же огромным кабинетом с длинным столом, приемной и строгой секретаршей. Тут он немного ошибся, так как его привели к такой же невзрачной пронумерованной двери, за которой оказался небольшой кабинет с круглым столом; вокруг него сгрудилось несколько людей в штатском и столько же в форме. Здесь что-то шумно обсуждали, не стесняясь переходить на резкости, стучали кулаками и двигали по столу ворохи карт и схем. Но все мгновенно смолкли, едва вошел посредник со своим вооруженным сопровождением. Настороженно смотрели на него, словно не человек это, а привидение.

– Работайте, работайте, – с порога заявил себя Змей. – Можете не вставать.

Присутствующие несколько оторопели от такой наглости, и только седой, крепкий мужчина в черном костюме, сидевший во главе стола, довольно рассмеялся.

– Это еще что за клоун? – хмуро поинтересовался долговязый тип в офицерской форме цвета хаки.

– О, это довольно интересный человек, – сказал седой, делая знак конвоирам. – В начале совещания я говорил о нем.

Змея аккуратно взяли под плечи, переместили в дальний угол и усадили на стул, с которого он не мог видеть разложенные на столе документы, зато был прекрасно виден присутствующим.

– Лейтенант, зачитайте выдержку из дела, – приказал седой.

Из-за его спины появился высокий подтянутый молодой человек в той же форме, что и конвоиры. В руках у него была довольно пухлая папка, что сразу же вызвало интерес Змея. Неужто столько материалов – по его скромной персоне?

– «Статист номер сто двадцать пять двести четырнадцать, неформальное имя: Змей. Гражданский, общественно не охвачен, подозревается в совершении преступлений по списку. Неформальная функция: посредничество между криминальными группировками. Авторитетен в преступной среде. Владеет боевыми навыками среднего уровня. Интеллектуальные способности: выше среднего. Ключевой навык: способность к убеждению, природный переговорщик. Опасен».

– Я что-то про интеллектуальные способности не понял, – подал голос Змей. – Что значит «выше среднего»? Это насколько выше?

– Судя по всему, ненамного, – заметил полноватый плешивый офицер с лицом гипертоника. Скептически разглядывая Змея, промокнул потный лоб платком. – Я не понимаю, чем он нам может помочь.

– А я согласен с начальником, – Змей кивнул на плешивого. – Я птица невысокого полета, вон, и мозги средние, и вообще вам не ровня. Не думаю, что смогу вам помочь.

– А ты не торопись с выводами, – остановил его седой, теперь уже без улыбки.

Поднялся со своего места, неторопливо обошел участников совещания и встал напротив Змея, разглядывая его сверху вниз. Посредник с трудом подавил желание встать. Видимо, уловив его порыв, один из конвоиров положил ему на плечо тяжелую руку.

Скосившись на эту ладонь, Змей демонстративно сбросил ее, уже приготовившись к драке. По давней привычке он не мог позволить по отношению к себе ни снисходительности, ни превосходства. Посредника можно сбить с ног, убить, но запугать нельзя. Так было в его мире, оставшемся на нижних уровнях, с их непрекращающейся борьбой за существование. А если подумать – то с жалкой мышью возней. Это он понял, встретившись взглядами с седым. И осознал: его гонор сейчас неуместен и жалок. Просто потому, что этим людям с верхних уровней плевать и на него, и на тех, перед кем он должен не терять лица. А этот седой, поначалу показавшийся добродушным и мягким, вдруг обрел ледяную холодность, и даже черты лица его стали резче.

– Ты, видимо, еще не понял своего положения, – спокойно сказал седой. – То, что ты сидишь тут с самодовольным видом, – всего лишь случайность и моя добрая воля. Ты просто живой, ухмыляющийся труп, и если я в тебе разочаруюсь, то станешь трупом вполне полноценным. Поэтому ты сейчас захлопнешь пасть и слушаешь все, что я собираюсь сказать, не тратя моего времени на бессмысленные реплики.

– Окей, валяйте. Как вас там...

– Можешь звать меня Полковник.

– Нормальное погоняло, Полковник. – Змей постарался принять самую расслабленную и развязную позу, на какую был способен. На неудобном офисном стуле под сверлящими взглядами получилось не слишком убедительно.

– Договорились, Змей, – терпеливо отозвался Полковник. – Итак, ты у нас – так называемый посредник. Раньше твое занятие называли «решала», но это не суть важно. Важно то, что ты вертишься в кругах, о которых у нас довольно ограниченная информация.

– Кстати, хотел спросить: вы – это кто? – невинно поинтересовался Змей.

Присутствующие переглянулись. Плешивый гипертоник снова налился кровью, и Змей стал немного переживать за его жизнь. Седой Полковник же едва заметно улыбнулся, ответил спокойно:

– Мы – это объединенные силовые ведомства Директории. Иммунная система Карфагена, если угодно.

– Звучит красиво. Вы – иммунная система для борьбы со всяким дерьмом. Дерьмо – это, наверное, я. А вы, значит, это дерьмо жрете. Круто.

– Образ неаппетитный, но пусть так, – невозмутимо согласился Полковник. – Знаешь, что происходит, когда иммунная система перестает распознавать угрозу в обычном дерьме, как ты сочно выразился?

– Остается голодной?

Кто-то за столом нервно хихикнул. Седой даже глазом не моргнул. Продолжил:

– Проблема в том, что система не успеет умереть с голоду. Ее сожрет болезнь, которую она не смогла распознать. Вместе со всем организмом, включая его собственное дерьмо.

– А вот теперь звучит не очень. И где я в этой вонючей схеме?

– Ты тот, кто видит все это дерьмо изнутри. Кто разбирается в сортах дерьма, может разложить его по цвету, запаху и вкусу, расписать по колбочкам и полочкам, аккуратно подписав карандашиком, что и где. В нашей картине мира ты – просто профессор дерьма.

– Спасибо за «профессора», – скромно сказал Змей.

– Не стоит благодарности. Лучше направь свои способности на благо общества. Собственно, в этом и заключается твоя задача.

– Я, наверно, туповатый профессор. Потому что до сих пор не понял...

– Согласен. Давай прямо, без эпитетов и гипербол. Может, ты заметил – в Карфагене стало беспокойно. Обрушения в дальних штольнях и на Глубоком горизонте, как следствие – наплыв беженцев в центральные сектора. Но главное – черная вода. Ты знаешь, что это такое?

– Видел. Но я не химик. Одно знаю – пить ее не стоит.

– Верно. Эта вода непригодна для питья. Очистить ее в промышленных масштабах тоже не представляется возможным. Самое хреновое – черная вода постепенно вытесняет из водоносных пластов нормальную питьевую воду. Если эта дрянь продолжит прибывать, Карфагену грозит массовая гибель населения. От отравления, жажды или голода – на выбор.

– Все настолько серьезно?

– Более чем ты думаешь. Население уже начало догадываться, но у них пока нет достоверных научных сведений. А у нас эти сведения есть. И потому мы знаем точно: угроза возрастает. Если начнется паника – Карфагену придет конец еще до наступления катастрофы. Слухи сделают свое дело – и тогда может рвануть по-настоящему. Уже начались протесты, кое-где переходящие в открытые бунты.

– То-то я думаю: чего это Месиво так заколыхалось? – протянул Змей. – Обычно там все на расслабоне, а тут вдруг на политику потянуло. А вообще работяг лучше не злить, им-то терять нечего.

Седой чуть кивнул:

– Пока протесты удастся подавлять, но силы бюстителей ограничены. Если ситуация выйдет из-под контроля, на уровнях начнется кровавый хаос. Аналитики прогнозируют: в таком случае неизбежен выход из строя систем снабжения и жизнеобеспечения. Грубо говоря, всем нам – крышка.

– Да брось, начальник. Может, кому-то и хреново, но неприкасаемым плевать на это с большой высоты. Если хотите, нам чем хуже – тем лучше. Больше возможностей половить рыбку в мутной воде. Или в черной – если до того дойдет дело.

В тот момент Змей показался себе остроумным. Однако никто не оценил юмора. Глядя на него спокойным, немигающим взглядом, Полковник сделал знак референту, и на плоской серой стене возникло яркое изображение во всю ширину комнаты.

Надо же – проектор. Таких штук Змей не видел давно. Думал, сгнили уже, как большая часть старого оборудования. Еще работали кое-где жидкокристаллические экраны и древние компьютеры, но все это стало привилегией состоятельных бездельников и свихнувшихся на технике спецов. Неприкасаемые демонстративно пренебрегали всем этим бараклом, так что он понятия не имел, какими возможностями обладает Директория.

На первый взгляд изображение было непонятным, путаным и хаотичным. Неудивительно: это была схема подземелий, составивших громадный подземный город.

Карфаген.

Только глядя на эту схему, начинаешь вспоминать, что ты не просто жалкое человеческое существо, пытающееся выжить в жестоких лабиринтах. Ты – счастливчик. Один из немногих уцелевших после ядерного Апокалипсиса, почти полностью обнулившего человечество.

Крупный анклав выживших после Катастрофы прятался в сети шахт и туннелей древних вольфрамовых и молибденовых рудников Баксанского ущелья, в районе Запретной горы – Эльбруса. Старые выработки постоянно разрастались силами обитателей, превращая окрестные горы в настоящий человеческий муравейник. Особенно усилиями бывших метростроителей, получивших льготные места в противоядерном «ковчеге» в обмен на навыки строительства подземных сооружений.

Люди оказались на редкость живучими существами, показавшими чудеса приспособляемости. Уже через несколько лет появилось первое поколение, никогда не видевшее неба. Люди научились добывать пищу без солнечного света и решали проблему перенаселения, пробивая все новые и новые тоннели, объединяя их в огромные сектора.

Единственное, что оставалось невозможным, – выйти на поверхность. Все, что могло отсюда попасть наружу, – это выработанная порода из шахт и мусор. Но по синему небу, солнцу и горизонту страдали лишь те, кто все это помнил. Новое поколение не стремилось к открытому пространству.

Оно его боялось.

В общем, ничего принципиально нового на схеме не было. Не считая некоторых шахт, штолен, серых заштрихованных подземных секторов, о существовании которых Змей до этого момента даже понятия не имел. И то, что ему позволили их увидеть, настораживало. Наверняка это секретная информация, уж точно не для глаз неприкасаемого. Недовольное бурчание присутствующих было тому подтверждением. Седой игнорировал их реакцию, продолжая сверлить взглядом Змея.

Тот хмуро глядел на красные области, тревожно мерцающие на схеме. Багровым цветом наливались участки, наиболее отдаленные от Центрального сектора, особенно нижние уровни.

– Что ты видишь? – поинтересовался Полковник

– Красным выделены области беспорядков? – предположил Змей.

– Зришь в корень. Черный пунктир видишь?

– Почти совпадает с красными участками. Черная вода?

– Точно. И эти красные области становятся все шире. Люди оттуда бегут в чистые сектора. Скоро в них станет тесновато. В том числе для неприкасаемых. Потому что придут новые неприкасаемые – еще более голодные, злые, беспощадные. Но зачем я это тебе рассказываю? Ты же вроде успел познакомиться с ними?

Седой замолчал, наблюдая за произведенным эффектом.

Эффект имел место. Змей с трудом справился с наступившим оцепенением. Слишком живую картину написал седой. Однако это могло быть банальной попыткой взять его «на

слабо» и развести как мальчишку. А уж попасться на этом – похуже черной воды и кровавого бунта.

– Все это вы, конечно, красиво описали, – с напускной ленцой сказал Змей. – Я даже штаны чуть не обмочил под впечатлением. Да, шеф, не думал, что скажу это кому-то из ваших: спасибо, что вытащили меня из лап чумазых, хотя ума не приложу, зачем вы это сделали. Туннельные крысы жаждали наделать саквояжей из моей кожи. А мне было бы неприятно с содранной шкурой. Я как-то с детства с ней сросся.

– Подружку свою благодари.

– Какую подружку?

– Танцовщицу. Не помню, как ее там...

– Тана.

– Не важно. Ты хотел знать, зачем мы тебя вытащили.

– Я весь внимание.

– Во-первых, хочу, чтобы у тебя не было иллюзий: для всех здесь присутствующих ты преступник, убивший блюстителя и заслуживающий утилизации.

– Вы же знаете – меня подставили...

– Замолкни. Твое мнение сейчас никого не волнует. Ты получил бы то, что заслуживаешь, если бы обстоятельства не изменились настолько, что ты стал нам нужен.

– На то и обстоятельства, чтоб меняться. – Змей поймал ледяной взгляд Полковника, поднял руки. – Все, молчу.

– Тогда слушай. Наши аналитики считают: черная вода прибывает не просто так. Она намеренно отравлена теми, кто хочет дестабилизировать обстановку и захватить власть в Карфагене.

Змей присвистнул:

– Кто-то хочет разорить ваше теплое гнездышко? Потеснить на Олимпе?

– Если ты не в курсе – Директория обеспечивает порядок и стабильность в убежищах Карфагена! – запальчиво выкрикнул толстяк, вскочивший со стула по ту сторону стола. – Ты должен быть благодарен, что вообще оказался здесь, а не превратился в ядерный пепел!

– Я, конечно, жутко благодарен, – равнодушно отозвался Змей. – Но если честно, мне плевать, кто будет жировать здесь, на верхних уровнях. Для неприкасаемых лучше, чтобы вы все тут перегрызлись и передушили друг друга. А мы у себя порядок наведем сами.

Это заявление вызвало среди присутствующих взрыв ярости. Змей мстительно наблюдал, как прихвостни начальства бьются в истерику. Они бы порвали его на куски, если бы не Полковник. Однако последний даже бровью не повел.

– Боюсь, ты переоцениваешь силы неприкасаемых. Как бы их самих не смело волной тотального насилия. Лично я предпочел бы, чтобы бандиты продолжали занимать свою нишу, копошились бы на своих уровнях, держали в узде торговцев и всякую мелкую шваль. Так их самих легче контролировать. Впрочем, все это теоретические споры, у нас же вопрос практический. Есть сведения, что ряд выходцев из криминальных группировок владеют информацией об источнике угрозы. Проблема в том, что наши агенты не могут получить достоверную информацию – просто не вхожи в круги высших неприкасаемых.

– Оно и понятно, – сквозь зубы процедил Змей, уже понимая, куда клонит собеседник. – Стукачей никто не любит.

– Давай называть их информаторами, – мягко возразил Полковник. – Как-никак разговор идет о выживании всех и каждого.

– Говорите прямо: что вам нужно лично от меня? – медленно произнес посредник.

– Нам надо, чтобы ты выяснил, кто за всем этим стоит, – так же медленно произнес Полковник.

Наступила тяжелая, давящая тишина. Все в ожидании смотрели на пленника, следя за его реакцией. Змей наблюдал за Полковником с застывшей на лице кривой улыбкой. Тот спокойно разглядывал посредника, ожидая ответа. Ответа не было, и Полковник продолжил:

– Ты вхож в круги неприкасаемых, у тебя авторитет. Уверен, ты сможешь помочь нам. И не только нам, заметь – всему Карфагену. Какие-то негодяи ради своих корыстных целей открыли ящик Пандоры, хотят погубить тысячи жизней, среди которых можешь быть ты сам...

– Я ничего не боюсь, – сипло проговорил Змей.

– ...твои друзья и знакомые...

– У меня нет друзей, мне плевать на знакомых.

– ...твои родные и близкие.

– У меня никого нет.

На лице Полковника появилась улыбка:

– А как же сестренка? Как ты ее зовешь – Ксю?

Змей промолчал, хотя кулаки его рефлекторно сжались. Этот самодовольный тип посмел задеть своим грязным ртом его сестренку. В другой ситуации нашелся бы способ заставить седого просить прощения. Сейчас же смог лишь выдать:

– Пошел ты знаешь куда?

Тело тряхнуло, лязгнули зубы, в голове зазвенело. Боец за спиной среагировал мгновенно.

– Ладно, я ничего не слышал, – спокойно отреагировал Полковник. – Понимаю твои эмоции. Но тебе придется самому засунуть их поглубже и сосредоточиться на предстоящей задаче.

– Я вроде ясно ответил, – заявил Змей дребезжащим голосом. – Сотрудничать с вами я не буду, от слова «никак». Можете приказать своим псам рвать меня на куски – я никогда не крысятничал и начинать не собираюсь.

Полковник кивал в такт словам посредника, словно подтверждая: текст верный, все идет по сценарию. Затем сказал:

– Твою сестренку я упомянул неслучайно.

Одними глазами показал на стену, где изображение внутреннего устройства Карфагена сменилось дрожащей картинкой. Прежде чем до Змея дошло, что именно он видит, его крепко зажали между собой конвоиры, так, что даже дернуться не было никакой возможности.

На картинке было знакомое с детства лицо – юное, открытое и на удивление наивное. Наверное, потому, что он никогда не позволял ей сталкиваться с ужасами реальности. Но, похоже, реальность сама вошла в ее жизнь. Девушка явно смотрелась в зеркало, за которым пряталась невидимая для нее камера. Ничего не подозревая, она поправляла длинные волосы – свое главное богатство, роскошь, в подземном мире доступную немногим.

– Ксю... – прошептал он. – Где она, что вы хотите с ней сделать?!

– Не беспокойся. Она в надежном месте, с ней все в порядке. По крайней мере пока.

– Ублюдки... – Змей задохнулся от бессильной злобы. – Да я вас голыми руками... Зубами... Суки!

– Уймись. – Полковник сохранял терпение. – Своим поведением ты только навредишь ей. – Змей дернулся, пытаясь вырваться, но двое державших его были словно из стали. Глаза подернуло пеленой, он не мог совладать с собой и с этим ненавистным размеренным голосом, продолжавшим: – Ты не оставил нам выбора. Думаешь, мы с тобой шутки шутим? Я с самого начала не особо рассчитывал на доводы. Ты подонки и понимаешь лишь методы, принятые у подонков. Курить будешь?

Это был неожиданный переход. У пленника даже в голове прояснилось. Полковник, видать, был неплохим психологом. Одну сигарету сунул себе в зубы, предложил пачку Змею. Видимо, заметив в его глазах положительный ответ, отошел от стола, лично прикурив от сереб-

ряной зажигалки и сунул зажженную сигарету в рот Змея, которого продолжали надежно держать конвоиры.

Затянувшись, Змей поймал давно забытое ощущение. В Карфагене почти забыли вкус настоящего табака, каждая сигарета на прилавках Месива стоила баснословных денег, так что курили всякое полухимическое дерьмо. А это было что-то из старых запасов. Из другого мира. Из прошлого.

Несколько затяжек помогли прояснить разум. Кто сказал – курить вредно? Врут, паскуды.

Закашлялся кто-то, скрытый клубами дыма. Однако замечаний не делали. Надо думать, авторитет Полковника был достаточно весом. Он курил, разглядывая Змея, пока не решил, что время на размышление истекло. Спросил:

– Ну, что надумал?

– Вы хотите, чтобы я сдал своих? – глухо спросил Змей. – Пронес «жучок»? Составил списки? Сестренка – единственное, за что я могу продать душу дьяволу.

– У меня дочь такого же возраста, – поделился Полковник. – Поверь, мне совсем не хочется причинять вред твоей сестренке.

– Оставьте свои сантименты для подчиненных, – огрызнулся Змей. – По мне, так лучше пуля, чем ваше сочувствие. Что я должен сделать?

– Ты, наверное, не понял меня, – с сожалением произнес Полковник. Не глядя, раздавил окурки в стеклянной пепельнице, мгновенно подставленной референтом. – Я не прошу тебя никого сдавать. Разборки с неприкасаемыми мы тоже оставим для лучших времен – если до этого они впрямую не пойдут на конфронтацию с Директорией. Твое задание вполне конкретно: выяснить, кто стоит за черной водой. Чего добиваются, где базируются, откуда берут химические реагенты. Для твоего успокоения хочу уточнить: эти люди не могут считаться даже неприкасаемыми: они действуют не по вашим понятиям и рассматриваются нами как враг – внутренний или внешний.

– Внешний? – Посреднику показалось, что он ослышался.

– Есть и такая версия. Твоя задача подтвердить или опровергнуть эти данные. Еще вопросы?

– Если я соглашусь, каковы гарантии, что с Ксю все будет в порядке?

– Слово офицера.

Змей рассмеялся трескучим смехом. Полковник переглянулся с недоумевающим референтом. Поинтересовался:

– Тебе недостаточно слова офицера?

– Знаете, Полковник, – Змей перестал смеяться, – слово офицера для неприкасаемого – ничто. Пыль. Радиоактивный пепел вместо планеты – вот чего стоит офицерское слово.

– Чем же мне еще поклясться? – Полковник обернулся на присутствующих, приглашая тех разделить его удивление.

– Жизнью своей дочери, – четко сказал Змей. – Вы ведь любите ее? И если что-то случится с моей сестренкой – пусть с вашей дочурой произойдет то же самое.

Люди за столом застыли от такой наглости. Впервые лицо Полковника дернулось, пошло волнами эмоций – но он мгновенно взял себя в руки. Произнес:

– Ну, что ж... Имеешь право. В конце концов, мы все в одной лодке. И если это поможет делу... – Он сделал паузу. – Клянусь жизнью и здоровьем дочери: твоя сестра будет в безопасности, пока ты не вернешься. Разумеется, если выполнишь задание и вернешься с информацией. И еще: предательство я не прошу.

– Я тоже, – откликнулся Змей, сверля взглядом седого.

– Договорились. – Полковник хлопнул себя по коленям. – Перейдем к деталям. Общаться с нами будешь через связного. Он, кстати, присмотрит за тобой, если возникнет какая угроза.

– Стоп. Никаких помощников мне не надо.

– Ты опять ставишь условия? Мы же вроде договорились.

Закрыв глаза, Змей заставил себя сосчитать до пяти, медленно выдохнул и сказал, стараясь придать голосу убедительности:

– Я не понимаю – вам результат нужен или меня проконтролировать? Крепче, чем вы меня держите, уже удержать не сможете. Чтобы вы понимали: я – посредник. И все знают меня как посредника. Посредник работает один, в этом его отличие от других неприкасаемых. Чтобы все видели: никто за ним не стоит, за ним только его собственный авторитет. Так что присматривать за мной никто не будет.

Полковник обернулся к какому-то мужику в форме, тихо перекинулся парой слов и снова обернулся к Змею. Сказал:

– Ладно, действуй как знаешь. На связь будешь выходить ежедневно.

– Каким образом?

– Мы сами тебя найдем. – Полковник нахмурился, раздумывая, подошел к пленнику, склонился, приблизив к его лицу свое, отчего стала видна сеть морщины на темной, как от загара, коже. Редкий оттенок для бледных обитателей горных штолен. – Я хочу, чтобы ты помнил главное: ты работаешь не для меня, не для Директории и даже не для населения, которое мы пытаемся уберечь от беды. Ты спасаешь самого себя и свою сестру. Не подведи ее.

* * *

Кар затормозил, подпрыгнув на неровном бетоне. Со скрежетом съехала вбок дверь – и его вытолкнули наружу. Снова завыл электропривод – и кар ушуршал прочь.

Змей с отворачиванием стянул с головы черный тканевый мешок: его везли какими-то сложными путями, рассчитывая, видимо, запутать следы. Директория тщательно скрывала тайные пути в свои райские кущи.

Первое, что он сделал, – протяжно и грязно выругался. Пожалуй, он никогда еще так не загрязнял воздух словами. Он в принципе был человеком дела и матерился тоже лишь по делу. Но, как говорится, накопилось.

Прервал его длинный матерный монолог испуганный взгляд мальчишки лет пяти, что смотрел на него округлившимися глазами, с отвисшей челюстью. Только теперь посредник сообразил, что стоит посреди какого-то грязного квартала, со свалкой железного хлама по правую руку и бельевыми веревками с тряпьем – по левую. За спиной была транспортная магистраль, уходившая прямоком в стену. Точнее, в зев туннеля, из которого сейчас выползал приземистый тягач с вереницей груженных вагонеток.

Присев на корточки, Змей подмигнул малышу, спросил:

– Что это за место, парень?

Вместо ответа мальчишка вдруг оскалился и выдернул из кармана широких штанов заточенный металлический штырь. Ни секунды не колеблясь, с воплем бросился на незнакомца, стремясь пырнуть того в мягкое. Немного ошалев от такого напора, Змей перехватил руку с самодельным оружием, выдернул из потного кулачка штырь и отбросил его в сторону. Парнишка шипел и рычал, как разъяренный опоссум.

– Спасибо за ответ, – сказал ему Змей. – Я тебя понял: это место не для меня.

Отпустил паренька, и тот, подхватив свое оружие, с воплем убежал в кривой переулок. Не дожидаясь, пока он позовет кого-нибудь постарше, Змей поспешил удалиться.

И вскоре был уже в районе Месива.

* * *

Давно он так не напивался. Пройдя зигзагом по Пьяному кварталу, сверкающему своими круглосуточными огнями и манящему бесконечными вариациями на одни и те же виды развлечений, он очутился в тесном, прокуренном заведении, где ревела живая музыка и в густом дыму извивались у шестов полуобнаженные женские тела. Он любил гибких девчонок, но сейчас до них не было никакого дела. Просто он смертельно устал, в том числе – от тщетных усилий алкоголем заглушить разрывавшие мозг мысли и нестихающий внутренний протест. Забравшись на высокий табурет, он поискал взглядом бармена, не обращая внимания на ступавшие прямо перед его носом ноги на колоссальных, покрытых блестками, платформах. Девушка явно хотела привлечь его внимание, но ему было плевать.

Из тумана возник жирный бармен в нелепой ковбойской шляпе. Что-то спросил. Змей молча постучал пальцем по стойке, и тот понял его без слов, как может понять только старый опытный повелитель пьянчуг. Поставил на стойку стакан, плеснул на два пальца желтоватого пойла.

Опрокинув в себя обжигающую жидкость, Змей мутно поглядел на бармена, спросил неровно:

– А шляпа зачем? На солнце обгореть боишься?

– Память о старом мире, – охотно отозвался толстяк, обновляя содержимое стакана. – Море, пальмы, яхты. Девушки...

– Ну, хоть бабы остались, – отозвался Змей. Поднял стакан. – Выпей со мной.

– Мне нельзя. – Бармен разглядывал посетителя. – Да и тебе советую остановиться.

– Обидеть меня хочешь? – раздувая ноздри, просипел Змей.

Ему просто жизненно необходимо выпустить пар. Устроить драку – самое то. Только руки чего-то онемели – легко промахнуться, даже мимо такой толстой рожи...

Дальше все напоминало беспорядочную нарезку кадров. Он помнил, как полетел со стула – и сразу же осознал себя лежащим на полу под ударами тяжелых рабочих ботинок. Следующий кадр: он уже верхом на каком-то небритом типе, метелит его кулаками с разбитыми костяшками. Потом – удар. И вот он тщетно пытается выбраться из-под обломков разбитого стула, попутно требуя еще выпивки. Голос бармена: «Надо его наружу вытащить». Следом озабоченное: «Блюстителю. Сюда идут!»

Потом неожиданно приятное прикосновение прохладных пальцев и «африканская» прическа, заслонившая свет. Удивленный голос:

– Это ты? Я думала: тебя убили!

– Убили, – прохрипел Змей. – Чувствую себя зомби.

Он вспомнил, чей это голос и чья это экзотическая прическа. Но тут же забыл. Такое простое имя...

– Похож, – насмешливо сказала девушка. – Вылитый зомби.

– Откуда ты взялась?

– Работаю здесь – по твоей милости. Прежнее-то место работы тью-тью!

– Надо выпить... – Он попытался сесть, нашарил рукой упавшую бутылку. Хлебнул, не чувствуя вкуса.

Девушка забрала бутылку, потянула его за руку.

– Вставай! Идем со мной! Быстрее!

– погоди... Куда ты меня тащишь?..

Дальше – очередной провал. И адская головная боль, мешающая открыть глаза. Дикая сухость во рту, потрескавшийся язык и омерзительное послевкусие. Застонав, он пошарил

рукой, нащупал скомканную простыню, подушку. Однако. Когда это он успел добраться до своего бокса?

Проморгавшись, наконец понял: он не дома. Это была крохотная, выдолбленная в камне комната, большую часть которой занимала широкая и низкая кровать. Сбивали с толку легкомысленные изображения на неровных стенах – какие-то цветочки, пальмы, облака. И простыни нежно-розового оттенка. Все прояснилось, когда появилась настоящая хозяйка этой комнаты и этой кровати.

Девушка была в короткой тунике, и он поразился: как они умудряются так наряжаться в мире предельно ограниченных ресурсов? Впрочем, у такой красотишки вполне могут быть состоятельные покровители.

– Тана? – сипло проговорил он. – Черт, в горле пересохло.

Девушка насмешливо улыбнулась и протянула ему пластиковый стакан с водой. Он жадно осушил его и свежим взглядом с ног до головы окинул хозяйку комнаты. Опустил взгляд, рассмотрев, что на нем из одежды одни трусы. Попытался вспомнить, когда раздевался и сделал ли это сам, – и снова не смог.

– погоди... – кашлянул в кулак. – Мы что же, с тобой...

Тана рассмеялась:

– И не надейся! Даже если бы у меня возникло такое желание, ты все равно не был в состоянии развлечь девушку. Если только не считать развлечением переноску бесчувственного тела.

– Да? Жаль. Тогда не пойму – на черта ты притащила меня к себе?

– Помнится, за тобой охотились блюстители. А поскольку ты по-прежнему должен мне денег, я решила не бросать свои инвестиции на произвол судьбы.

– А... – проговорил Змей. – Тогда спасибо.

Взял из ее рук стакан, в который она долила еще воды из металлического кувшина, стал пить уже более размеренно.

О том, что он теперь и сам, можно сказать, работает на Директорию, предпочел не говорить. Во-первых, это мгновенно уронило бы его в глазах девушки, которой, видимо, нравятся плохие парни. Во-вторых, даже от мыслей об этой омерзительной сделке начинало мутить. Не хотелось бы при первом визите заблевать эту милую постельку.

– Кстати, к тебе пришли, – как бы невзначай сказала Тана. – В коридоре дожидается.

Он чуть не поперхнулся водой. Закашлялся, пробормотал:

– Кто ждет?

– Твой друг.

– Нет у меня друзей

– Он так сказал. И дотащить тебя помог, кстати. Без него я бы не справилась.

Уже не слушая ее, с легкостью, будто и не было этого тяжелого похмелья, он поднялся с кровати, выхватил кувшин из рук девушки, выплеснул воду прямо на пол, не обращая внимания на ее возмущенный окрик. Кувшин был не очень увесист, но для драки сойдет. Тихо, на мягких лапах, приблизился к двери, глянул в глазок – у красотишки имелась и такая роскошь.

Никого по ту сторону не было. Для очистки совести приоткрыл дверь, тихонько выглянул. Вышел, оглядывая пустой коридор. Пусто. Лишь ряды одинаковых дверей в продолбленные в скале норы, выполняющие роль комнат. Это еще неплохое жилье у девочки, да еще отдельное – вполне респектабельно по нынешним временам. Видал он совсем другие пещеры – там даже летучие мыши кричат от ужаса.

Развернулся, чтобы пойти обратно, – и нос к носу столкнулся с незнакомцем.

Как он оказался за спиной – не понятно, но профессиональная подготовка чувствовалась сразу. Молодой, коротко стриженный, с наглым взглядом. Из всех сил изображал лоботряса, подражавшего неприкасаемым, но скрыть военную выправку трудно.

– Привет! – дружелюбно приветствовал его незнакомец.

Чисто рефлекторно Змей попытался засветить ему в лицо кувшином и тут же уйти из-под ответного удара. Как бы не так: кувшин провалился в пустоту, перед глазами же кувыркнулся дверной проем, и по спине с размаху двинуло полом. Благо со сравнительно мягким покрытием из растительного жмыха – самый распространенный материал из аграрных секторов.

Перед глазами появилось все то же дружелюбное лицо:

– Чего граблями почем зря машешь? Тебя что, не предупредили о встрече со связным?

Змей, кряхтя, попытался подняться. Незнакомец протянул руку. Посредник неприязненно поглядел на протянутую ладонь – и принял помощь. Пора было принять реальность такой, какая есть. Он работает на Директорию и, по сути, мало чем отличается от этого парня. Хотя привычное отвращение к легавым преодолеть было трудно.

– Предупредили, – проворчал Змей. – Только у тебя на лбу не написано, что ты связной. На сутенера больше похож – перемудрил с образом. Да и рановато ты объявился. Я же предупреждал: работаю только в одиночку.

– Так и ты рановато стал праздновать, – отозвался парень. Он привалился спиной к коридорной стене, сунул руки в карманы, с интересом разглядывая Змея. Возможно, он впервые так близко общался с неприкасаемым. – Возникло опасение, что ты угробишь себя раньше, чем приступишь к заданию.

– Спасибо за заботу, – огрызнулся Змей. – Пришлось накатить – в профилактических целях. Чтобы все это дерьмо меня не убило раньше времени.

– Ну как, подлечился?

– Вполне.

– Тогда за дело. Ситуация изменилась, и времени у нас еще меньше.

– Что там стряслось?

– Кто-то толкнул на рынке черную воду под видом питьевой – осветлили химикатами. Несколько человек умерло, десяток в госпитале. Никаких гарантий, что отравления не станут массовыми.

– Нормально. А куда ваша агентура смотрит?

– Раньше неприкасаемые такого себе не позволяли.

– С чего ты взял, что это неприкасаемые? Кому придет в голову травить собственную клиентуру?

– Кисляком же травите.

– Ну это ты передергиваешь. Когда кто-то покупает кисляк, он точно знает, чем решил закинуться. А тут подлянка.

– Вот ты и выяснишь, кто именно за этим стоит. Пока нам удастся предотвращать утечку информации.

– Шила в мешке не утаишь. Что знают двое, знает и свинья. Тебя, кстати, как зовут?

– Стеф.

Змей окинул взглядом визитера, усмехнулся:

– Чучело ты казарменное, а не Стеф... Погоняло оставь для конспирации. А мы вроде доверять друг другу должны. Иначе как я пойму, что ты не кинешь меня в любой момент? Я как-никак жизнью рискую. С неприкасаемыми общаться – как по лезвию ходить.

Парень пристально поглядел в глаза посредника, сказал:

– Ладно. Игнат.

– Точно, – Змей указал ему пальцем в переносицу. – Я так сразу и подумал: вылитый Игнат.

– Хорош языком чесать. – Визитер недовольно скривился. – Иди и добудь информацию. Только штаны не забудь надеть.

* * *

– А, черт...

Он брезгливо оглядел ботинок – влез в какую-то липкую дрянь, разлитую под ногами омерзительной лужицей. Это был грязный рабочий квартал, идти по которому приходилось с опаской, надеясь, что по пятам не тащится соглядатай, решивший поиграть в секретного агента. У Шайтана везде свои глаза и уши, и даже если он закроет глаза на былую обиду, то и намека на предательство уже не простит.

Настроение было паршивое. Он понятия не имел, чем закончится эта авантюра. Полковник поставил не просто трудную задачу. Он буквально припер его к стенке. Это только далекий от реального мира солдафон мог решить, что кто-то может прийти к неприкасаемым и начать задавать вопросы. Это как минимум непринято, как максимум подозрительно – даже в своей собственной группировке, не говоря уж о чужаке, ни с того ни с сего задумавшем совать свой нос куда ни попадя.

А он посредник. Настолько же чуждый всем, насколько и авторитетный. Равноудаленность от каждой из банд – главный принцип его статуса, ставший теперь и серьезным препятствием. Он не может втираться в доверие, находить друзей среди неприкасаемых или сулить какие-то блага в обмен на информацию. А каким еще способом разговаривать самых недоверчивых и подозрительных людей в Карфагене – он не имел понятия.

Была, впрочем, одна возможность, которой стоило воспользоваться без дополнительного риска получить пулю в голову за излишнее любопытство. Однако эта возможность тоже была неоднозначной и рискованной.

Посредником ведь не становятся на ровном месте. Это нужно заслужить, пройдя особый путь и обретя определенную репутацию среди неприкасаемых. Змей не был исключением, и его карьера развивалась в соответствующей среде.

Банда Копателей пользовалась дурной славой. Пожалуй, самой дурной в Центральном секторе. Когда братки из группировки подобрали в молибденовой штольне его, слабого щенка, придавленного обрушившимися подпорками и подышающего от потери крови, он был уверен, что его разберут на органы, сольют кровь, а остатки перемелют на фарш для продажи через своих людей в Месиве. Однако Шайтану нужен был людской расходный материал – он как раз вел войну с Заводскими за место в иерархии неприкасаемых сектора. Паренька откормили и предложили работу. Впрочем, он и сам обрадовался бы любому поручению: времена были лютые, как раз миновал пик Второго голода. Может, он и засомневался бы в том, какой выбор делает, но Ксю была совсем маленькая, и он уже задумывался отдать ее в приют под ведомством Директории. А из приюта девочкам путь один, и стрип-куб в торговых рядах – это не худший вариант.

И он согласился.

Чтобы подняться в рядах Копателей, проще пойти по самому короткому, но и самому кровавому пути: Копатели специализировались на убийствах по найму. Но он предпочел тяжелую и неблагодарную работу: выбивать долги из заемщиков, торговцев, владельцев «серых» шахт и куда более сложных клиентов. И вскоре обнаружил в себе редкий дар: забирать свое силой убеждения, лишь изредка прибегая к насилию. Возможно, дело в том, что он не был прирожденным негодяем, как большинство неприкасаемых. Так или иначе, он стал приносить Шайтану немалый доход, при этом избавляя того от лишних проблем. Через некоторое время он стал его личным «решалой». А когда от передоза грибным экстрактом перекинулся старый посредник Центрального сектора, на сходке главарей кто-то предложил его кандидатуру. Шайтан не хотел расставаться с полезным кадром, но противиться решению сходки тоже не комильфо. И хоть голосовал за Змея вместе со всеми, но, похоже, затаил на него обиду – за то,

что тот все-таки согласился занять вакантное место. Это, конечно, забавно: будто можно отказаться от такого предложения! За неуважение к сходке можно поплатиться жизнью, и Змей выбрал жизнь.

Но теперь все возвращалось на круги своя. И обратиться он мог только к Шайтану. Так что разговор предстоял сложный.

Берлогу Шайтана нашел не сразу – здесь все здорово перестроили, хоть в Карфагене предпочитают не столько возводить стены, сколько долбить норы. Так проще и удобнее, но Шайтан любил пусть и неказистую, но более-менее достоверную имитацию настоящего города. И сам не брезговал жить среди простых работяг, хотя мог себе позволить поселиться на респектабельном уровне с самым настоящим газоном и садом под искусственным освещением, имитирующим солнце. Более того – он мог позволить себе купить целый уровень, пусть и поскромнее. Однако выбирал серые облезлые кварталы, в которых его обиталище терялось среди бетона и камня. Вряд ли из природной скромности – за Шайтаном таковой отродясь не водилось. Скорее, из чувства самосохранения и желания слиться с простым человеком, затеряться в толпе. Это было вполне оправдано, так как врагов он нажил немало. К тому же бедные кварталы в изобилии поставляли ему рекрутов, готовых на все ради пары лишних фраз и покровительства босса неприкасаемых. Они же были рынком сбыта наркотиков, девок, краденого и поддельной жратвы.

Впрочем, совсем уж затаиться Шайтану было сложно. О том, что здесь обитает непростой человек, становилось ясно уже по специфическому виду мордovorотов, дежурившим на углу переулков, ведущего к дому авторитета. Боевики Копателей носили грязно-серые плащи, под которыми легко было спрятать оружие. В отличие, к примеру, от Заводских, предпочитавших просторные комбинезоны, в которых, впрочем, тоже можно было много чего припрятать.

– Куда! – на пути Змея возник мрачный верзила в плаще, с жутким ожогом на пол-лица. – Заблудился, что ли?

Из-за спины боевика настороженно выглядывал второй, похожий на него, как клон.

– Не узнал меня? – негромко спросил посредник.

– Погоди-погоди... – Лицо верзилы просветлело. – Папа?

Змей на секунду «завис» и, лишь услышав сиплый хохот, понял, что этот дурачок развлекается. Впрочем, веселье быстро прекратилось, когда посредник ухватил обожженного за кадык, так что тот захрипел, бессильно мотая руками в воздухе. Второй пытался прийти на выручку, но Змей ловко поворачивал хрипящее, с выпученными глазами тело, прикрываясь его широкой спиной, приговаривая:

– Поучись уважению, гнида. Или тебя на удобрения пустят.

Второй уже успел вытащить из-под плаща компактный пистолет-пулемет типа «дятел» – детище подпольной фабрики Левши, снабжавшего оружием всех, кто не жалел фраз. Машинка капризная, но вполне способная надеть в человеке дырок, как та вымершая птица, в честь которой и была названа.

– А ну, пусти его! – заорал второй. – Я тебе голову прострелю!

– Кхх... – хрипел обожженный. – Не стреляй, меня зацепишь!

Весь этот цирк оборвал насмешливо-удивленный голос:

– Змей, ты?

– А кто ж еще. – Посредник с силой оттолкнул от себя верзилу, который, потеряв равновесие, наткнулся спиной на стену, продолжая хрипеть и держаться за шею. – Мое почтение, мастер!

Последнее было обращено к невысокому сухощавому человеку в спортивном костюме со стриженной бородой, окаймлявшей смуглое лицо. Сейчас этот человек смеялся, но глаза его были холодны, неподвижны и словно существовали отдельно от остального лица.

Шайтан знал о свойстве своего взгляда: он вселял ужас в непривычного человека. По обе руки от него стояли двое крепких бойцов, тоже в тренировочной форме – признак элиты неприкасаемых.

– Какими судьбами, дружище? – радушно разведя руками, поинтересовался Шайтан. – Поговаривали, ты в бега подался?

– Было дело, да вот пришлось вернуться.

– Не обидели тебя мои ребята? Хотя тебя обидишь...

Он усмехнулся, недобро поглядев на двоих в серых плащах. С бледным видом те ждали, чем кончится для них этот разговор.

– Слабоваты ребята, – заметил Змей, потирая руки. – И авторитетов не жалуют.

– Зеленые еще, – добродушно сказал Шайтан. – Да и где таких, как ты, теперь найдешь? Расслабились за жирные годы.

– Ничего, теперь подсушатся, – криво улыбнулся Змей. – Жирные годы, по ходу, кончились.

* * *

В норе Шайтана все было по-прежнему. Тот не любил перемены. Хотя бедной обстановку не назовешь. На дальней стене в глубине жидкокристаллического экрана потрескивало пламя виртуального камина. Не каждый житель Карфагена может похвастать персональной электропроводкой, не говоря уж о действующей бытовой электронике. Были здесь изысканная мебель, ковры, люстра, ваза со сладостями. Все – насквозь пропитанное кровью, оплатившей комфорт владельца, немислимый в мире после Катастрофы.

Не было здесь лишь одной категории роскоши – книг. Шайтан ненавидел книги. Змей видел однажды, с каким садистским наслаждением этот человек вырывает страницы из какого-то древнего тома и сжигает над серебряным подносом, наблюдая, как чернеют и скручиваются листочки. Впрочем, сейчас это не имело отношения к делу.

Они сидели в удобных креслах за низким журнальным столиком, на котором булькал большой вычурный кальян. Шайтан не любил книги, но был редким знатоком и ценителем курительных смесей. Чтобы вести с ним успешные переговоры, следовало ценить в нем это качество и не отказываться от предложенного мундштука. Змей и на этот раз не посмел отказать хозяину. Тем более что дым был довольно приятный.

Ходили слухи, что Шайтан неспроста «накуривает» собеседников. Что-то он добавлял в смесь с целью как следует разговорить собеседника, нечто, имеющее свойство «сыворотки правды». Змей был готов к этому и внутренне собрался, стараясь контролировать каждое свое слово.

Прислуживали удивительно красивые, но никогда не улыбавшиеся и молчаливые женщины. Опять же, поговаривали, что у них были вырезаны языки. Может, конечно, и брехали, но за все время, которое он знал главаря Копателей, его женщины не произнесли ни слова.

Это был опасный человек, но он оставался единственным, от кого можно было надеяться получить информацию.

– Я так понимаю, ты не просто погостить зашел по старой памяти? – выпуская клубы ароматного дыма, поинтересовался Шайтан.

– К сожалению, не просто, – разглядывая серебристый мундштук, признал Змей. – У меня проблемы, мастер.

– И ты решил вернуться в наши ряды? Ты же знаешь – Копатели всегда тебе рады. Ты много для нас сделал, и мы это помним.

– Спасибо за добрые слова, мастер. Вы сделали для меня гораздо больше, и я ваш вечный должник.

Это были ритуальные фразы, без которых, однако, не обойтись. Хищники должны обнюхивать друг друга при встрече, чтобы с ходу не перегрызть друг другу глотки.

– Но сейчас я по другому вопросу, мастер, – продолжил Змей.

– И что же это за вопрос?

– Вопрос мести.

Эта идея возникла внезапно. Кто его знает – может, подействовал дурманящий дым Шайтана зелья, может, последние новости о массовом отравлении черной водой, но мысль быстро складывалась в убедительную логическую схему, какими и славился Змей в своей посреднической работе.

– За кого месть? – спросил Шайтан.

Ключул. Осталось подсечь. А там – или улов, или эта акула утащит его за собой в бездну.

– Сестра.

– Ксю? Что с ней?

– Жива. Но очень плоха, и не знаю – выживет ли. Какие-то твари отравили ее черной водой. Выдали за питьевую. Говорят, кто-то уже запустил эту дрянь в продажу.

Это была игра ва-банк. Могло ведь стать, что за подделкой воды стоят именно Копатели. И хоть это не их метод – все может быть. Особенно в наступающие тяжкие времена. И особенно гнусно было приплетать сюда Ксю. Он бы ни за что не упомянул ее имя в таком контексте, если бы не знал, что она в руках блюстителей. В данном случае – под их защитой, на случай если Шайтан решит проверить информацию.

Змей ждал ответа, с трудом скрывая внутреннее напряжение. Шайтан думал, окутываясь своей дымной завесой. Может, даже прикидывал, как разделаться с неудобным гостем. Наконец произнес:

– Вот суки. – Змей ждал продолжения. Сочувствие со стороны этого безжалостного человека само по себе было большой новостью. – Хотят подорвать нам продажи.

Новости не случилось. Шайтан предсказуемо думал только о бабках, доминировании на собственной территории и устранении конкурентов.

– Ты, наверное, в курсе: когда пришла черная вода, чистая реально в цене подскочила, и мы взяли под контроль половину рынка. Вот так цену держим! – Он показал черный от наколок кулак. – А какие-то паскуды решили подорвать нам бизнес.

– Я хочу выяснить, кто это устроил, – с чувством сказал Змей.

– Кто подменил воду?

– Кто вообще сделал чистую воду черной. Кто травит воду на уровнях и зачем ему это надо. Найти – и... своими руками. Тебе, наверное, это трудно понять – у тебя ведь нет младшей сестры...

Играть на чувствах Шайтана было рискованно. Тем более неизвестно – были ли у него вообще какие-то чувства, кроме жажды власти, жадности и жестокости. Вот и сейчас он рассматривал Змея, прикидывая какие-то одному ему известные плюсы и минусы.

– Да, – сказал он наконец. – Хорошо бы найти их. – Выпустил в потолок струю дыма. Добавил: – И самим взять под контроль это дело.

Змей медленно кивнул. Такого поворота он не ожидал. Спросил осторожно:

– Может, что-то известно – откуда она взялась, эта черная вода?

Шайтан скривился, неопределенно пожал плечом:

– Если бы что-то конкретное – я бы сам за это взялся. Пока все на уровне слухов. А ты знаешь – я не люблю пустой болтовни.

– А если я возьмусь проверить эти слухи? – мягко, но с напором произнес Змей. – У меня руки чешутся добраться до этих гадов. А если сестре не станет лучше...

Он сжал кулаки, почти уже поверив в собственные слова. Выглядело это, наверное, убедительно. Да и Шайтана идея, похоже, зацепила. Он отложил мундштук и задумчиво потер ладони:

– В тебе-то я не сомневаюсь. Я сомневаюсь в реальности информации. – Он откинулся на спинку кресла, почти растворившись в дыму. Его голос звучал словно из тумана. – Говорят, черная вода пришла в Карфаген извне.

– Но откуда?

– Есть предположение... В общем, воду якобы испортили шаманы.

– Это еще кто такие?

– Ну, эти, чудики из заброшенных лабораторий, вверх по ущелью. Давно уже ползли слухи, что лаборатории-то совсем не заброшенные. Что-то они там колдуют, шаманы-то. Говорят, сглазили они воду – оттого она и черная. И теперь от них сюда только черная вода и течет.

Не сразу до Змея дошло, что шаманами хозяин называет колдунов, засевших в убежище, в нескольких километрах вверх по течению замерзшей реки Баксан, когда-то протекавшей в ущелье где-то над Карфагеном, а теперь превратившейся в колоссальный ледник.

– Сам я в это не особо верю, – продолжал Шайтан. – Но и проверить до сих пор тоже было некому. Какой псих добровольно полезет к шаманам? Тем более путь туда – почти что самоубийство.

– Если эти гады действительно воду травят, то найдется и псих, способный их остановить, – проговорил Змей. – У меня руки чешутся, чтоб кому-нибудь голову открутить.

– Нервный ты стал, злой какой-то, – рассмеялся Шайтан. – Неужто работа посредника так людей портит?

– Вредная работа, точно, – признал Змей. – И я не успокоюсь, пока не узнаю правду.

– Ну, дело хозяйское, – без особого энтузиазма отозвался Шайтан. – Если соберешься к шаманам наведаться – могу спонсировать амуницией и припасами. Это, разумеется, должно остаться между нами.

– Спасибо, мастер.

– Хотя я бы тебе не советовал туда соваться. Сгинешь.

– Быстрее я тут сгину, если не накажу подонков.

– Ну, смотри. Если нам удастся подмять шаманов под себя – получишь свою долю в бизнесе.

– Было бы неплохо, хотя я предпочитаю не делить шкуру неубитого медведя. До них еще добраться надо, а дорогу небось и не знает никто.

Сам же мельком подумал: нет ничего опаснее, чем претендовать на долю в бизнесе Шайтана. До сих пор ни один компаньон у него дольше года в живых не проходил. Все погибли при странных обстоятельствах. Однако если Полковник прав, то и бизнесу самого Шайтана скоро конец. Впрочем, как и всему Карфагену вместе со всем его населением. Конечно, если не получится остановить зловеще прибывающий поток черной воды.

– Теперь слушай, – подавшись вперед, сказал Шайтан. – Были у меня дела с шаманами – добывал для них кое-какое оборудование.

– Вот как, – удивился Змей. – Не знал.

– Потому что не твоего ума дело. Так было, по крайней мере.

– Так у вас имеются контакты с поверхностью?

– Хочешь жить – умей вертеться. Хорошая прибыль заставит залезть даже в ад. А наверху – всего лишь задворки ада.

– Нормально. Спасибо, что не посылали меня туда.

– Видишь, пришло и твое время. В общем, сделку тогда с шаманами провернули потихому, с прибылью, и, ясное дело, никакой подлянки от них я не ожидал. Заодно и путь разведан. Был у меня курьер от шаманов, не хотел дорогу показывать поначалу, но как наши

ребята им занялись – запел как птичка. Потом, правда, пропал без вести. Заблудился, видать, в шахте, – Шайтан рассмеялся. – Дело давно было, наверняка многое изменилось, но...

– Это была бы полезная информация.

– Но запомни, дружок... – Лицо Шайтана показалось из дыма, и Змей, содрогнувшись, вспомнил: свое жуткое прозвище главарь получил неспроста. – Если я почувствую, что ты ведешь какую-то свою игру, что-то скрываешь, водишь меня за нос и все такое – я не посмотрю на нашу старую дружбу. Ты же не забыл, как я поступаю с крысами?

– Помню, – отозвался Змей. – Как такое забудешь.

Перед глазами проплыли картинки окровавленных, закопанных, заваленных, утопленных и обугленных трупов. И крики. До этого он даже не представлял, что человеческое существо способно издавать подобные звуки. Даже сейчас эти образы вызывали холодок вдоль позвоночника.

– У тебя еще есть шанс признаться: мол, бес попутал, решил обмануть старого мастера и все такое. Есть что сказать?

– Нет, – глядя в глаза Шайтану, сказал Змей. – Ты же знаешь меня, Шайтан. Я всегда говорю правду, только правду и ничего, кроме правды.

Глава третья

Хрустальный город

Он никогда не был на поверхности.

Забавно, он действительно уже давно сжился с этой мыслью. Просто в момент Катастрофы отсчет времени начался заново, словно человечество и каждого человека в отдельности перезагрузили, как зависший компьютер. Поэтому «никогда» относилось именно к новому периоду жизни, а что было «до», он почти не помнил. Во-первых, был маленький и даже Ксю еще не появилась на свет. Во-вторых, жизнь в гигантском убежище словно стерла эфемерное прошлое под бесконечным небом и теплым солнцем. Сейчас подобные воспоминания невольно вызывали приступы боязни открытого пространства.

Потому что теперь там, снаружи, была смерть. Бесконечные радиоактивные поля, «фонящие» горы и, что страшнее, радиоактивная пыль, которую разносили ураганы, ставшие нормой после Катастрофы. Изменения климата оказались страшнее обмена ядерными ударами. Никогда до этого не наблюдалось такого явления, как теперь: нисходящие воздушные потоки несли ледяной воздух, в течение нескольких секунд понижая температуру ниже ста градусов по Цельсию.

Ледяная волна смерти текла со склонов Запретной горы.

С Эльбруса.

Двуглавый великан возвышался над обожженным ядерным огнем Кавказским хребтом и забившимися в норы остатками человечества, следя, чтобы оно больше не высовывало голову. Знающие люди говорили: священная гора стала еще выше после геологических потрясений во время Катастрофы. Поверхность планеты вспучилась – и теперь Эльбрус выше Эвереста, снесенного гипербомбой. Возможно, это тоже легенда – но ведь нет дыма без огня. Не зря ведь этот древний стратовулкан называют Запретной горой. Даже говорить о ней не принято – считается плохой приметой. Приснившаяся же во сне – она приносит несчастье.

И вот теперь, глядя на массивные железные створки шлюзов, он осознал: сейчас ему предстоит дорога в сторону этой самой Запретной горы. Пусть и не к самому склону, но точно вверх по течению сползающего с той стороны ледника. Он мало чего боялся в этой жизни и думал, что чувство страха давно притупилось. Но теперь ощущал неуверенность и тревогу.

– Вообще-то, мы так не договаривались, – сказал он, проводя по железу рукой в потертой кожаной перчатке. Ржавая поверхность была покрыта толстым слоем инея. – Я должен был выяснить про источник черной воды – и я выяснил. Чего вы еще от меня хотите?

– Информация недостоверна, – отозвался Игнат. – Если эти, как ты говоришь, шаманы травят воду – мы должны это знать наверняка.

Игнат стоял на одном колене, проверяя оружие. Старый добрый АК с подствольным гранатометом, фонарем и коллиматорным прицелом – крутая игрушка, ничего не скажешь. В остальном же связной выглядел так же, как и его спутник – чучело чучелом, напаявшее на себя все теплое, что только нашлось под рукой. Даже очки были странные, придававшие обоим нелепый и страшноватый вид: старинные, круглые, с мутными стеклами, в кожаной окантовке. Они казались лишними, но Игнат уверял: это чуть ли не самая необходимая вещь на поверхности. Как и дурацкая вязаная шапка под капюшоном.

– Так пошлите туда спецназ и проверьте, – проворчал Змей.

– Это невозможно. Неприкасаемые наверняка будут следить за тобой, может, даже снаружи – есть сведения, что и в патруле у них есть свои люди. Что, если информация окажется липой, и тебе придется продолжить контакты на территории Карфагена?

– Не придется. У меня только одна попытка. Если окажется, что шаманы ни при чем, – Шайтан решит, что я вожу его за нос. Он параноик – если что-то засело ему в голову, от этого уже не откажется.

– Значит, в наших интересах сходить и проверить. Лично я не верю, что ученым пришло в голову портить воду.

– Каким еще ученым?

– Шутишь? – Игнат недоверчиво уставился на посредника. – А кого, по-твоему, называют шаманами?

Змей пожал плечами:

– Мне-то почему знать. Колдунов каких-то. Мало ли их в самом Карфагене. Вон, только в Месиве целый квартал гадалок и целителей.

– Нормально. – Игнат странно хмыкнул. – То есть и про нейтринную обсерваторию ты не слышал?

– Нет. Какая еще обсерватория под землей? Куда они телескопы высовывают? В амбразуры?

Игнат рассмеялся, покачал головой:

– Ничего они не высовывают. Они нейтрино ловят. Микрочастицы такие. Точнее, ловили, до Катастрофы. Под горой – детекторы, направлены в глубь Земли. Нейтрино пролетает сквозь земную толщу, они фиксируют.

– Круто. Но на хрена?

Игнат пожал плечами:

– Ученые!

– Откуда ты все это знаешь? Книжки читал, что ли?

– А ты не читал?

– Времени не было.

– На что же ты его тратил, свое время?

– Людей унижал.

– Вопросов больше не имею.

Змей ощущал раздражение от общения с этим чистоплюем, пытавшимся строить из себя героя. Самое противное было в том, что где-то в глубине души чувствовалось: этот парень – на правильной стороне. Он действует искренне, болеет за идею, а не просто за пригоршню монет. Можно было привычно спрятаться за стену из презрения и цинизма – так он делал всегда. Да только перед лицом неизвестной угрозы даже до его неприкасаемой души стало доходить: не все можно купить за фразы. И его статус посредника, и его дар убеждения бесполезны перед безжалостной стихией, которой плевать на жалкие людские авторитеты.

Нервозность нарастала. Он отвык подчиняться. А этот пацан, ничуть не смущаясь, пытался диктовать ему свои методы. Да, у него был веский аргумент: это Директория приставила к Змею своего связного. А Ксю – в руках Директории. При этом особого зла на невольного спутника он не держал. Как-никак тот тоже человек подневольный, приказ выполняет. С другой стороны, раз уж придется выходить за пределы привычного мира, то лучше не в одиночку. Пусть будет хоть сомнительная, но компания.

– Чего мы ждем? – нетерпеливо спросил Змей, озираясь в тесном тупике, упиравшемся в железные створы.

– Времени развода караула, – пояснил Игнат. – Надо успеть выйти в шлюз и просочиться незамеченными. Сейчас мы в боковой ветке, она отделена от основного пути запасным гермоствором.

– А если наткнемся на караул? Стрелять будем?

Змей повел стволом помпового дробовика, выданного ему Игнатом. Хорошее оружие, если противников не слишком много. Связной изумленно уставился на спутника:

– Ты спятил? Опустил ствол! Они же свои.
– Это тебе свои. А мне – вы все легавые.
– Это даже не блюстители. Это охрана внешней границы. Солдаты.
– А мне один хрен. Все вы – псы Директории. Если б не сестра – хрен бы меня заставили отсюда нос высунуть.

– Хорошо причитать! – Игнат поднял руку в перчатке, прислушался. Поглядел на часы. – Пора!

Игнат легко поднялся, забросил автомат за спину и навалился на огромный рычаг с краю железной двери. Зарычал:

– А ну, помоги!

В очередной раз наступив на горло собственной песне, Змей встал плечом к плечу с Игнатом, уперся в рычаг. Застонал металл, лязгнули шестеренки. Двухметровый металлический диск медленно сдвинулся с места.

– Еще немного!

Толкали, пока образовавшаяся щель не стала достаточной, чтобы в нее можно было пролезть. Так и поступили, протиснувшись и оказавшись в широком, хорошо освещенном туннеле. Но очень холодном. Внутри жилых секторов Карфагена царил сравнительно постоянная температура, регулируемая автоматически и вырабатываемая, как в метро – механизмами и собственно населением. О том, какой климат царит за толщей камня, в забытом и страшном внешнем мире, Змей не имел понятия.

Но теперь наконец начал подозревать. И ожидания ему не понравились.

Игнат сделал знак. Они остановились, прислушиваясь. Издалека доносился множественный звук шагов. Сместились в утопленную в бетон нишу. Замерли.

Шаги приближались дробным раскатом. Мимо прошел с десятков вооруженных фигур. Их вид поразил Змея: они были в белом. Когда шаги стихли за поворотом туннеля, посредник спросил:

– Что это у них за форма? Медицинская, что ли?

– С чего ты взял? – не понял Игнат. Затем кивнул. – Ты имеешь в виду – белая? Маскировка.

– Маскировка, – недоуменно повторил Змей. – Что к чему...

– Ну, снег белый, чудак ты, – усмехнулся Игнат. – Белое на белом не так заметно.

– Да это я понял. Маскироваться от кого они собрались?

– Ну... – Лицо Игната дрогнуло. – Это секретная информация.

– Шутишь? Какие от меня теперь секреты? Или мы с закрытыми глазами на поверхность выйдем?

Игнат растерянно хмыкнул:

– Ну да, ты прав. Есть директива: не распространять среди гражданских неподтвержденные слухи. В смысле – ничего о том, что происходит снаружи.

– А разве там что-то происходит? Я думал, снаружи все вымерло.

На этот раз Игнат остался серьезен, только чуть поморщился:

– Лучше бы там и впрямь все вымерло.

Выбраться наружу оказалось не так просто, несмотря на путь, обозначенный Шайтаном. В какой-то момент Змей решил: связной действительно оказался полезен. Ведь он сам понятия не имел, что его ждет на границе подземного и внешнего мира.

А ждало немало неожиданного. Он как-то не задумывался – просто не было повода, – есть ли постоянная связь Карфагена с внешним видом. То есть понятно, что должны быть какие-то аварийные выходы, вентиляционные шахты, штольни для избавления от отходов и тому подобное. Просто в голову не приходило, что кто-то в здравом уме сам полезет туда, в

радиоактивный ад. И вот, оказывается, есть не только довольно основательный выход, но еще вдобавок неплохо укрепленный.

Это они наблюдали из укрытия, добравшись до так называемой загрузочной рампы. Широкая полоса бетона проходила через огромный бетонированный ангар метров двадцать в высоту, а в ширину и того больше и упиралась в здоровенные бронированные створки с механическими приводами, щедро подсвеченные прожекторами. Но взгляд притягивал даже не скрытый за огромными воротами выход во внешний мир. За этими воротами имелись еще одни, так как все входы и выходы Карфагена представляли собой вариации на тему герметичных шлюзов. Куда больше впечатляло обилие военной техники, расставленной по ангару в некоем продуманном порядке, составляя, очевидно, эшелонированную оборону: стрелковые укрепления из мешков с песком на переднем фланге, пулеметные гнезда плюс четыре БМП ближе к центру и пара самых настоящих танков на задней линии.

– Что за черт... – глядя на все это с металлического «балкона» аварийной лестницы, протянул Змей. – Мы что же, ждем нападения?

– Надеюсь, что нет, – тихо отозвался Игнат. – Здесь все, как в последний день перед консервацией.

– Это когда «шкатулка» захлопнулась? – предположил Змей. – Почти не помню тот день. Маленький был, с матерью чудом пробились.

– Говорят, это свойство молодой психики – забывать пережитый ужас.

– Ужас? О чем ты?

– Этим оружием отбивались от тех, кому не хватило места. – Игнат указал в сторону аккуратно расставленного вооружения, возле которого копошились бойцы в зимнем камуфляже. – Створки уже начали закрываться, а люди все лезли и лезли, как фарш из мясорубки, под давлением тех, кто напирал сзади. Часть падала вовнутрь уже раздавленными насмерть, остальных добивали из пулеметов и пушек. До ядерного удара оставались считанные минуты, механизмы ворот еле справились с горой трупов, прежде чем запечатать убежище. Люди снаружи бесновались еще несколько минут, насмерть давя друг друга. Было даже опасение, что ворота не выдержат натиска, – за бортом осталось полмиллиона человек, которых Карфаген не смог бы вместить физически. Потом была вспышка – и движение по ту сторону прекратилось. Он замолчал. Молчал и Змей, не в силах вымолвить ни слова. – Я видел хронику, – добавил Игнат. – Это еще то зрелище.

Что-то щелкнуло в голове – и Змей вспомнил.

Толпы вопящих от ужаса людей, не столько уже боявшихся превратиться в ядерный пепел, сколько быть разорванными на куски озверевшей толпой. Завыла сирена – и ее звук словно спустил курок. Толпа обезумела и пошла на штурм. Он помнил, как хрустели ребра, как хрипели раздавленные, как шли по головам, как струилась под ногами кровь...

И гром... Тогда он думал, что это гром. А выходит, по ним стреляли.

И главное, не понятно, осуждать или одобрять действия начальства, ставшего впоследствии Директорией маленького нового мира. В конце концов, он сам выжил исключительно за счет тех, кто навсегда остался снаружи.

– Хватит об этом, – отрезал Змей. – Идем!

Их путь лежал, конечно, не к главному шлюзу, служившему когда-то для загрузки оборудования и припасов, а после – для массовой эвакуации. И даже не к служебному выходу, который использовали патрули. Да и невозможно было бы пробраться незаметно через посты и караулы.

Шайтан подсказал другой путь – через резервную систему фильтрации воздуха, которая никогда не работала, а потому использовалась для контрабанды запрещенных грузов «с той стороны». Собственно, все предметы из внешнего мира в Карфагене запрещены по причине возможного заражения. Но когда это смущало неприкасаемых? Они, конечно, проверяли кон-

трабанду радиометрами, чтобы фонащая вещь не убила самого «несуна». На этом карантинные меры с их стороны ограничивались. Ведь деньги не пахнут, а снаружи, как ни крути, осталось больше всякой всячины, чем успели загрузить в Карфаген перед «закупоркой».

Система фильтрации представляла собой нагромождение сложных агрегатов, которые забирали воздух снаружи через замаскированные на местности штольни. Вообще-то, такие тайные лазы в подбрюшье Карфагена должны были охраняться с особой тщательностью. Но как водится, чем крупнее система, чем выше в ней вероятность разного рода сбоев, косяков и провалов. В данном случае это сыграло лазутчикам на руку.

Глядя в глубину покрытого изморозью узкого и низкого лаза, Змей напоминал себе ныряльщика в бездну. И хоть знал, что не будет первым, кто рискнул высунуть голову из этого муравейника, собрался с духом не сразу. Однако рядом был связной Директории, перед которым показать свою слабость нельзя было категорически.

– Ну ладно. – Змей сплюнул, зачем-то потер руки в перчатках. – Где наша не пропадала? И нырнул в страшную ледяную нору.

* * *

Когда думаешь, что прошел через все и тебя уже ничем невозможно пронять, судьба неожиданно может ткнуть тебя носом в собственное самомнение. И тогда будешь осознавать себя растерянным и раздавленным – как чувствовал себя Змей посреди зловещей ледяной пустыни.

Первое ощущение – он просто не мог дышать. Большого труда стоило приноровиться к дыханию через шарф, назначения которого он поначалу просто не понимал. Холод пронизывал насквозь, лишая возможности нормально мыслить. Единственное, что стало ясно с первых секунд пребывания в этом новом мире, – здесь невозможна жизнь.

Это было что-то вроде другой планеты. На Луне или на Марсе условия, возможно, и отличаются, но они столь же убийственны для всего живого, как то, что окружало его теперь. И еще подташнивало от непривычных размеров окружающего. Боязнь открытого пространства – тоже неприятная фобия, особенно после долгих лет, проведенных в тесных, но надежных стенах.

– Дыши через нос и не очень глубоко – иначе обожжешь легкие, – посоветовал Игнат.

– Тебе-то почем знать? – хрипло отозвался Змей, наблюдая, как рассеивается перед его лицом облако пара.

– Спецподготовка предусматривает кратковременный выход на поверхность, – объяснил Игнат. – Хотя это не моя специализация.

Сейчас связной был похож на обледеневший труп, откопанный из промерзшей могилы. Однако держался куда увереннее, как будто не был покрыт толстым слоем инея. Глядя на него, Змей мог представить себе, как выглядит сам, и этот образ ему не очень-то нравился. Привычная уверенность в себе, понимание своего места в мире и ощущение силы растворились в наступившей реальности. Они были двумя едва теплыми песчинками посреди громадной ледяной чаши, прикрытой сверху мрачной свинцовой мглой.

Сравнительно ровный участок местности перед скальным уступом, скрывавшим вход в Карфаген, был усеян вмерзшими в лед остатками машин – грузовиков, автобусов, легковушек, среди которых виднелись танковые башни, коробки бронетранспортеров и остовы транспортных вертолетов. Это были следы давней эвакуации, породившей нынешнее население Карфагена. Сначала шли машины – стремясь успеть, обгоняя друг друга, притираясь бортами и сталкивая друг друга в пропасть. Когда из-за громадной пробки движение встало окончательно, люди продолжали идти – по всей ширине ущелья, падая и вставая, стремясь обогнать ближних, успеть до закрытия створов туннеля.

Успели не все. Точнее, успела ничтожно малая часть. Остальным пришлось встретить неизбежное. Только тогда здесь не было так холодно.

Было горячо. Как на поверхности Солнца.

– Интересно, выжил ли кто-то из них тогда? Из тех, кто остался здесь в момент Катастрофы? – спросил Змей.

Голос прозвучал глухо и слабо. Казалось, с каждым словом силы уходят из мерзнущего тела. Но молчать было еще хуже.

– Кое-кто остался, – так же глухо отозвался Игнат. – Как водится – самые приспособленные. И нам лучше с ними не встречаться.

– Это почему?

– Как бы ты сам относился к тем, кто не пустил тебя в убежище, когда от этого зависела твоя жизнь?

– Да уж, я бы все припомнил при встрече... Но теперь-то можно их пустить? Вряд ли их так уж много.

– А теперь они сами под землю не пойдут.

– Да? Ну, и черт с ними.

– Согласен. Теперь они могут нас самих не пустить.

– Куда?

– На поверхность.

Змей скосился на спутника, пытаясь понять, не шутит ли он. Но на его глазах были такие же, как и у него, круглые, затемненные очки со стеклами, успевшими покрыться изморозью.

– Ну, мы как бы уже на поверхности, – сказал Змей.

– Это потому, что нас всего двое и нас пока не заметили. Но если жители Карфагена решат переселяться наружу – начнется заварушка.

– Это зачем же нам такое понадобится? – пробормотал Змей. – Под землей жизнь не сахар, но там хотя бы жизнь.

– Это пока, – мгновенно откликнулся Игнат. – Но черная вода прибывает... Да мало ли что нас может оттуда вытравить? Тут-то мерзляки и припомнят нам старые обиды.

– Мерзляки? – переспросил Змей. – А, ну понятно, называют их так. И по ходу дела я скоро стану одним из них.

– Не станешь. У них адаптация к холоду через особую подготовку и специальные препараты. На поверхности нам с ними не тягаться.

– Ну, и черт с ними. Я ко всему этому даже привыкать не хочу.

Он двигался вслед за Игнатом, быстро уходившим к краю этого обширного ледяного поля, где они были как на ладони. Интересно, заметили их наблюдатели, охранявшие створ? Если и заметили, то не подали виду. Возможно, им даже дано указание не замечать «беглецов». Вся эта история напоминала фарс, и хотелось побыстрее покончить со своими обязательствами, освободить Ксю и распрощаться с Полковником и его планами. Правда, что-то подсказывало: из капкана Директории так просто не вырваться.

Но все это предстояло в будущем. В настоящем был хрустящий снег под ногами и онемевшее от холода лицо. Они шли среди ржавых остовов машин, с трудом отыскивая среди них проходы – настолько плотно стояли брошенные машины. Игнат уверенно вел Змея, и тот уже уловил направление. На обугленные остовы техники, сжатая горными хребтами, напознала громадная туша ледника. Горы доминировали над местностью, напоминая зубы колоссального чудовища, в пасти которого теперь застыли две человеческие фигурки. Взгляд невольно искал главную вершину – но Запретную гору не увидеть отсюда. И, может быть, к лучшему. Говорят, увидевший ее будет навеки проклят.

Но целью была не гора. Они шли к леднику.

– На открытой местности долго оставаться нельзя, – нарушил молчание Игнат, подняв на лоб очки и внимательно осматриваясь через прищуренные веки. Снег слепил, даже несмотря на отсутствие солнца, и Змей почти уже потерял направление. Они остановились, чтобы перевести дух, – очень быстро наступала усталость – то ли от ледяного воздуха, то ли от тяжести многослойной одежды и снаряжения. – Мерзляки следят за створами, у них тут регулярные рейды. Хреново, если следы заметят, так что надо побыстрее на чистый лед выбираться.

Побыстрее не получилось. Шагов через двести они снова выдохлись. К тому же стал нарастать ветер, поднялась пурга. Змей слышал, что такое бывает, но имел смутное представление о снежных вихрях, в которых полностью теряешь ориентацию. А ведь был день – что же будет, когда стемнеет? Это был хороший вопрос для человека, привыкшего к круглосуточному освещению в подземных секторах. И фонари, которые они несли с собой, в новых обстоятельствах мало что решали.

– Черт... – Змей закашлялся, хрипя и отплевываясь. – Мы здесь сдохнем на хрен!

– Сюда! – позвал связной.

Сейчас был виден лишь его смутный силуэт. Голос почти потонул в свисте ветра. Скользя и падая на покрытом слоем снега льду, Змей добрался до спутника. Тот похлопал по какой-то кособокой снежной стене. Змей не сразу понял, что это борт вмерзшего в поверхность бронетранспортера. Боковой люк у него был распахнут, вход внутрь почти засыпан, оставив лишь тесный лаз.

– Давай внутрь! – почти приказал Игнат.

На этот раз Змей не стал привередничать с распределением ролей в маленькой группе. Приказал и приказал, черт с ним. Пригнувшись и упав на четвереньки, отчаянно скользя, он влез-таки в эту снежно-железную нору. Бесцеремонно подталкивая его, Игнат полез следом.

– От радиации не сдохнем? – Голос Змея звучал глухо и как-то ватно в тесной железной коробке.

– Фонит немного, но в пределах нормы, – бросив взгляд на экранчик радиометра, отозвался Игнат.

Внутри было люто морозно, снежно и темно. Единственным плюсом было отсутствие ветра, продолжавшего завывать снаружи. Тут Змей отдал должное опыту спутника: тот быстро организовал пригодную для отдыха стоянку. Распаковал рюкзак, бросил Змею плотный резиновый квадрат – специальный «поджопник», он же теплоизолирующая «пенка», на которой можно было сидеть прямо на снегу, не рискуя окончательно отморозить «носимое имущество». Вскрыл армейский паек, полученный Змеем от Шайтана в счет организации экспедиции. Шайтан, разумеется, не знал, что Змей отправляется не один, и пайков получил всего пару штук – «туда» и «назад». И без того эти древние контейнеры с давно мумифицировавшейся снедью были на вес золота. Во всяком случае, Игнат лишь языком прищелкнул:

– Кучеряво живете, бандиты. Вот, значит, куда армейское имущество со складов исчезло.

– А вам такие разве не выдают? – равнодушно спросил Змей, наблюдая за действиями связного.

Тот как раз сооружал крохотную горелку из таблеток «сухого спирта».

– Откуда, – проворчал Игнат. – Склады разворовали еще при Первом голоде. Кое-кто из начальства неплохо тогда поднялся. Правда, многих и к стенке поставили.

– Коррупция, – с удовольствием произнес Змей. – Любимое развлечение власти. Да и неприкасаемых – тоже. Правда, в последнее время с вашими стало сложнее договариваться. Но это не мое дело – посредник в эти сферы уже не вхож. Другое дело – ты. Как ты только можешь служить Директории, зная, что у власти такие подонки?

Игнат ответил таким взглядом, что Змей пожалел о затронутой теме. Однако парень не промолчал, заметив:

– Я не начальству служу. Людям. Если бы не армейский спецназ, да и блюстители тоже, Карфаген давно утонул бы в собственной крови. Вы, неприкасаемые, сначала терзали бы умирающих от голода людей, а потом разъяренные люди разорвали бы вас на части. В результате сдохли бы все, и мерзляки на поверхности станцевали бы на наших замерзших костях свой победный танец.

– Это теория, – усмехнулся Змей. – А практика в том, что у меня свобода и полные карманы фразов. А тебе даже полагающийся паек зажали.

Игнат сжал зубы, собираясь что-то ответить, но лицо его вдруг смягчилось, он усмехнулся, глядя в глаза Змея:

– Да я тебя уже раскусил, приятель. Это же твой метод: вывести из себя собеседника, поймать на слабине и дальше уже манипулировать им как тебе вздумается. Может, это работает при разборках неприкасаемых, но у меня не прокатит.

Змей молча пожал плечами, Игнат же продолжил: – Я же вижу, как тебе страшно. Не спорь – ты крутой мужик, спору нет. Но ты выпал из привычной среды и теперь пытаешься самоутвердиться. В учебке нам объясняли, как поступать в такой ситуации: смотри на самого приспособленного и делай, как он. Вот и ты делай, как я. А как дойдет до переговоров с бандами – тут уж я отойду в сторону.

Змей хотел ответить, что он думает про эту самую учебку, отцов-командиров и прочее солдафонское дерьмо, но решил: это ниже его достоинства. Если паренек хочет поиграть в супермена – флаг ему в руки и первую встречную пулю. Пока же хотелось лишь одного: согреться. Он протягивал руки к крохотному огоньку, на котором разогревалась плоская банка тушенки из комплекта пайка. По съедобности она теперь вряд ли отличалась от размороженного из вечной мерзлоты мяса мамонта, но выбирать не приходилось.

Игнат тем временем покопался в собственном вещмешке, откуда достал грубый пластиковый сверток. На немой вопрос Змея ответил:

– А это наш сухпак. Производство вооруженных сил Директории.

Внутри оказалась приличная пачка сухих лепешек, сушеное же мясо неизвестного происхождения и мешочек с плотными черными брикетами, которые и были целью Игната. Брикет оказался какой-то разновидностью топлива и, зажженный от огня спиртовки, образовал крохотный, но куда более эффективный источник тепла.

– Другое дело, – констатировал Игнат, протягивая руки к трепещущему дымному пламени.

– Жить можно, – усмехнулся Змей.

Немного согревшись, принялись есть, прикидывая дальнейшие действия.

– Хрустальный город, – протянул посредник. – Я думал – это легенда.

– Как же, легенда, – грея руки о жестяную кружку с кипятком, отозвался Игнат. В кружке плавали чайники суррогатного чая. На вкус – мало похоже, однако бодрило. – Ты же видишь: жизнь на открытом пространстве невозможна. Нам еще повезло, что такая оттепель. А если «дыхание смерти придет»?

– Что еще за дрянь? – поморщился Змей.

– Нисходящие потоки воздуха, с гор, – Игнат с наслаждением хлебнул горячего варева. – Говорят, человек, попавший в такой поток, застывает как ледяная статуя.

– Да, слышал. Вот срань...

– Так точно, срань редкостная. Сам я не видел, но знал ребят, которые пошли в рейд и не успели вернуться. Поток идет быстро, засечь приближение можно, но потом три минуты, чтобы найти укрытие. А не каждая нора спасет от «дыхания смерти». Наш БТР, к примеру, замерзнет мгновенно.

– Чую, пора валить отсюда.

– Вот именно. Потому на открытом пространстве не живут. Когда говорят про мерзляков с поверхности, имеют в виду именно Хрустальный город.

– И что про него известно?

– Практически ничего. Разведка несколько раз брала пленных, но ни один не дожил до допроса.

– Небось пытали их, сволочи?

– Даже не приступали. Они умеют «выключаться». Просто останавливают дыхание – и умирают. Совершенно непреклонный и бескомпромиссный народ. И самое неприятное – население там растет. Есть мнение, что через какое-то время они нападут первыми.

– Кто? Эти мерзавцы?

– Мерзляки.

– Ну да, мерзляки. А что у них есть против Карфагена? У нас – мощно укрепленная крепость в толще скалы, у них – один сплошной лед.

– У нас – только то, что мы сохранили под землей с момента Катастрофы, да еще что клепаем на поземных заводах с горем пополам.

– А у них?

– А у них – все. В смысле вообще все, что осталось на поверхности. А осталось тут много чего, поверь мне.

Змей с треском оторвал зубами кусок сушеного мяса от задеревеневшего бруска из запасов Игната, задумчиво пожевал. Произнес:

– Чего-то я расхотел лезть в этот Хрустальный город. А другого пути нет?

* * *

Вопрос был риторический. Другого пути на схеме Шайтана не было. И сейчас они крались по скользкому склону в сторону ледника. Вблизи ледяная машина казалась еще грандиознее и стало видно, как оголившийся лед под обвалившимися серыми кусками отливает густой синевой. Это было бы потрясающе красиво, если бы не было так жутко.

Ледник был сравнительно молодой, поглотивший собой реку Баксан, когда-то протекавшую по дну ущелья. По словам Игната, этот ледяной «язык» обладал особой, не свойственной другим ледяным рекам, прочностью. Непонятно, с чем это было связано – возможно, с измененными свойствами воды после ядерных ударов и регулярными волнами космического холода. Так или иначе, твердость, сравнимая с бетоном, позволила мерзлякам бурить в нем туннели, не боясь, что все начнет смещаться и рушиться. Это было идеальное укрытие, сравнимое разве что с шахтами в горных массивах, из которых вырос сам Карфаген. Получалось, что при всей своей ненависти к счастливчикам, занявшим лучшие места в подземелье, эти ребята стали делать то же самое, только на поверхности. Если можно считать поверхностью запутанные лабиринты в кристально чистом и прочном льду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.